

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ТУШИНО

Олег Бондарев

Кремль 2222

Олег Бондарев

Кремль 2222. Тушино

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бондарев О. И.

Кремль 2222. Тушино / О. И. Бондарев — «АСТ»,
2016 — (Кремль 2222)

ISBN 978-5-17-100119-3

Молодой дружинник Игорь и его побратим, десятник Захар, пережив кровавую битву в Строгино, оказываются перед непростым выбором – довериться давнему врагу, рискуя попасть в засаду, или же отомстить ему за былое предательство, но лишиться возможности узнать правду? Какое решение примут дружинники? И как оно отразится на судьбе Кремля? Ответить на эти вопросы сможет только вылазка в Тушино – далекий район, граничащий с Куполом. А ужасные чудовища из прошлого между тем медленно, но верно выходят из сумрака забвения, чтобы напомнить Кремлю о своем существовании...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100119-3

© Бондарев О. И., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Наследие	11
Глава 2. Старые раны	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Бондарев

Кремль 2222. Тушино

© О. И. Бондарев, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Меч Игоря по высокой дуге опустился вниз и обрушился на голову рычащего нео. Фенакодус под дружинником, взвизывая на дыбы, припечатал мутанта к земле передними лапами. Когти скакуна оставили на лохматой груди ужасающие раны, но Игорю разглядывать увечья погибшего нео было некогда.

Ведь на подходе была целая орава его вполне живых собратьев, которые явно вознамерились отправить к праотцам всех без исключения членов кремлевского отряда.

Игорь скрипнул зубами. Рукоять пистолета торчала из-за пояса, но братья за огнестрел дружинник не спешил – уж больно велик был риск зацепить кого-то из товарищей. Поэтому он самозабвенно орудовал мечом.

«Ну, может, так оно и лучше? – мелькнуло в светлой голове. – Все, как встарь – только ты и преданный честный клинок, который не подведет осечкой...»

Горизонтальный взмах!..

Сталь блеснула в тусклом свете солнца, чьи лучи лишь с превеликим трудом пробивались через тучи – черные, как смола березы-мутанта, и плотные, как перина. Еще один нео, выронив острогу, обеими руками схватился за горло, надеясь заткнуть страшную рану. Игорь махнул мечом снова и развалил голову захлебывающегося кровью противника напополам. По сути, это было милосердие в чистом виде – быстрая смерть вместо мучительной, под когтями разъяренных фенакодусов, втаптывающих еще живое существо в придорожную грязь. Но дружинник, естественно, беспокоился не о том, чтобы пресечь страдания дикаря – он всего лишь не хотел, чтобы раненый мут в последнем отчаянном рывке напал на него со спины.

Краем глаза Игорь увидел, как рубится неподалеку его побратим, Захар, и в который уж раз подивился мастерству и характеру десятника. Каждый удар был выверен и по силе, и по точности, ничего лишнего, никакого разбазаривания энергии в никуда – все в дело, ведь врагов впереди не счесть, надо действовать экономно...

Взгляд Игоря ненадолго задержался на легендарном шраме Захара, который тянулся от виска вниз через все лицо. Увечье – как вечное напоминание о том самом дне, когда началась их крепкая дружба; дне, когда два отрока впервые столкнулись с хищным порождением Зоны – огромным плотоядным пауком...¹

«Концентрация!..» – одернул себя Игорь.

И очень вовремя, поскольку новый мутант был уже на подходе. Нео хотел ткнуть фенакодуса в грудь длинной острой, но дружинник ловко увел скакуна в сторону. Уже проносясь мимо злобного дикаря, Игорь со всех размаху снес ему башку мечом. Грязная голова, оставляя за собой кровавый шлейф, улетела в сторону, а тело, дрожа, рухнуло на темный после недавнего дождя асфальт.

Тем временем очередной дикарь замахнулся дубиной на сражающегося по соседству Мihu, и Игорь, извернувшись, остроумным ударом сверху вниз отрубил мутанту руку. Нео заревел, а оружие вместе с окровавленной кистью упало на землю, к его ногам. Муха воспользовался запинкой соперника и стремительным выпадом вогнал клинок прямо в открытую пасть мутанта. Нео, умирая, начал падать, и дружинник поспешно отпихнул его сапогом, дабы не потерять клинок. Обошлось: меч остался у Мухи в руках, а бездыханный труп упал к ногам фенакодуса.

Дружинники обменялись быстрыми кивками и вновь ринулись в бой.

Следующий нео появился из ближайшего здания, размахивая дубиной, украшенной кусками арматуры. Игорь поудобней перехватил меч и направил скакуна ублюдку навстречу.

¹ Подробнее о злоключениях Игоря можно узнать из романа «Кремль 2222. Строгино» Олега Бондарева – прим. автора.

Между ними было метра три, не больше, когда фенакодус под разведчиком вдруг вздрогнул и, визжа, затанцевал на месте, будто в попытке сбросить с себя седока. Сжав бока скакуна обеими ногами, Игорь попытался урезонить животное, как вдруг увидел, что из глаза бедной твари торчит стрела.

«Снова засада, и снова моему Буяну не сvezло... Следующему надо, наверное, другое имя дать: это, видно, какое-то несчастливое...»

Понимая, что долго его скакун не проживет, Игорь спрыгнул с мускулистой спины... и тут же лишился оружия, когда коварный нео с армированной дубиной умудрился ловким ударом выбить клинок у дружинника из рук. На коже остались кровавые следы от железок, но, кажется, обошлось без серьезных повреждений... а, может, просто адреналин зашкаливал, вот и не чувствовалась боль. Как бы то ни было, разведчик, не тратя времени даром, ушел в кувырок, едва не ободрав при этом шею об асфальт, но второго удара избежал и даже разглядел, куда укатился его меч. Позади Буян со стрелой в глазу, утратив последние силы, рухнул на землю, чем невольно отвлек на себя внимание дикаря, и Игорь, метнувшись к оброненному клинку, спешно его подхватил. Так что когда нео снова обернулся к дружиннику, тот уже был во всеоружии. Дикарь яростно заревел и бросился на Игоря, попытался одним ударом снести противнику голову, но разведчик оказался ловчей – поднырнув под оружием мутанта, он вогнал меч между подбородком и шеей, да с такой силой, что острие вышло из затылка убитого гада.

В окне за спиной умирающего нео Игорю почудилось движение, и он, ведомый инстинктом, прильнул к покойнику, не успевшему еще упасть. Этот шаг, возможно, спас ему жизнь: стрела, пущенная из здания невидимым арбалетчиком, вонзилась мертвецу в спину. Вырвав меч из тела убитого, Игорь оттолкнул нео от себя и опрометью бросился к дому. Он хотел успеть забежать туда раньше, чем «невидимка» перезарядит свой арбалет; очень уж не хотелось дружиннику разделить участь погибшего Буяна.

У самого порога Игорь остановился и махнул мечом так, чтобы обозначить движение. И не зря: когда клинок блеснул в проходе, новая стрела сорвалась с тетивы и, срикошетив от потрепанной кирпичной кладки, ушла «в молоко».

«Быстро же ты с перезарядкой справился, мразь...»

Игорь метнулся внутрь, понимая, что счет идет на секунды, и сразу увидел стрелка. Арбалетчик стоял на одном колене и спешно снаряжал оружие. Лоб его блестел от пота. Не теряя времени даром, разведчик устремился к мутанту. Тот, заслышав топот, вздрогнул и поднял голову. В глазах чудовища мелькнул испуг. Выронив оружие из рук, он опрометью бросился в глубь здания. Игорь, не сбавляя темпа, отправился следом за ним.

Они ураганом пронеслись по коридору и свернули в просторную комнату. Дружинник обратил внимание, что в углу лежит, извиваясь, связанный веревками человек, но решил пока не отвлекаться от погони. Перво-наперво следовало догнать арбалетчика и снести ему голову, чтоб в нее больше никогда не пришла мысль стрелять в кремлевских разведчиков... да и вообще любая другая мысль.

Однако дикарь бежал так, что даже носителю D-гена было за ним не угнаться. Вот мут достиг окна и, распластавшись в прыжке, выпорхнул из здания. Игорь хотел последовать его примеру, но с мечом в руке делать подобные трюки поостерегся – сбавив шаг, он подступил к окну и задумчиво уставился на лохматую спину улепетывающего дикаря.

Обычно нео не избегали схватки, тем более один на один, но этот оказался каким-то на редкость трусливым...

Или на редкость умным.

«Может, это у меня просто вид такой устрашающий?» – подумал Игорь.

Выглядел он и впрямь жутковато – кольчуга, рубашка и штаны были перепачканы кровью, даже в сапогах хлюпало, – но вряд ли сбежавший нео оказался настолько впечатлительным.

– Помогите... – услышал дружинник слабый голос за спиной.

Убедившись, что незадачливый арбалетчик скрылся из виду и возвращаться не намерен, Игорь оглянулся на пленника. Это был темноволосый мужчина, чуть старше самого разведчика, довольно крепкий на вид, с острыми скулами и волевым подбородком.

«Что-то больно знакомое у него лицо...» – нахмурившись, подумал Игорь.

И вдруг его осенило:

«Да это же один из прихвостней Вадима!»

В памяти тут же всплыли события двухнедельной давности. И засада нео, которая закончилась пленением Захара и кражей груза боеприпасов. И мытарства самого Игоря, который чудом избежал смерти и отправился на поиски побратима и похищенных патронов. И, конечно же, он вспомнил главных виновников всех бед – маркитантов Вадима и Кондрата, по указке которых подкупленные ими нео и напали на кремлевский отряд.

«Таких мразей еще попробуй забудь!...»

И вот теперь один из прихвостней помянутых мерзавцев лежал перед Игорем на бетонном полу и умолял дружинника о спасении.

Возникло желание зарубить ублюдка прямо на месте и тут же о нем забыть, но Игорь удержался от столь радикального шага. Однако распутывать пленника он тоже не стал. Развернувшись, дружинник бросился обратно в коридор, дабы поскорей вернуться на улицу и помочь сражающимся там собратьям справиться с разъяренными дикарями.

– Помоги же... – прохрипел маркитантский прихвостень ему вдогонку. – Молю...

– Обойдешься, – прошипел Игорь себе под нос.

Нет, безусловно, он не бросит здесь мерзавца – ведь дружиннику жуть как хочется узнать, что же стало с Вадимом после их крайней встречи. Тогда, помнится, маркитант и его ближайший соратник, Кондрат, гонимые Игорем и его другом, нейромантом Громобоем, прибились к отряду наемников с небезызвестной Арены... но что с торгашами случилось потом, разведчику оставалось только гадать. Возможно, Вадим почил в пасти «Рекса», которым управлял помянутый Громобой. Возможно, нейромант поразил его пулей из своего пистоля. Хотя Игорь подозревал, что столь скользкий тип избежал печальной участи и до сих пор бродит по московской Зоне, живой и, вероятно, даже более-менее здоровый.

«Злая ирония судьбы: настоящие люди гибнут, сражаясь за правое дело, а подобные мерзавцы живут себе припеваючи...» – подумал дружинник.

Коридор почти закончился, а лязга мечей слышно не было. Недоумевая, Игорь вынырнул из-за угла... и увидел через окно топчущихся на месте дружинников. Увидел Захара, который, уперев руки в бока, стоял рядом с преданным фенакодусом и озирался вокруг. Увидел Мihu, скакун под которым медленно перемещался по полю брани – опустевшему, безжизненному.

Бой закончился быстрее, чем Игорь мог себе представить.

– Сбежали, – сообщил Захар, когда светловолосый дружинник показался наружу. – Рубились-рубились... а потом с полдюжины просто развернулись и побежали. Двоих догнали, но четверо ушли.

– Стрелять в них не стали? – уточнил Игорь.

– А что в них стрелять-то? – хмыкнул Миха. – Только патроны переводить.

Остальные дружинники закивали, соглашаясь с конопатым товарищем.

– Что там, в здании? – спросил Захар, пристально глядя на побратима.

– Чисто, – отозвался Игорь. – Нео, точнее, нет, но есть пленник, связанный.

– Пленник? – удивился Захар. – Из наших?

– Да какой там! Из вадимовской шайки.

– Это ты сейчас про маркитанта того, богомерзкого? – ушам своим не поверил десятник.

– А то про кого ж еще!..

– А кто там, связанный, я его знаю?

– Да ты такого и не помнишь, наверное... У склада там два близнеца дежурили, темные такие... Ну да что я рассказываю? Пойдем, сам посмотришь на него да поймешь, видел раньше или нет?

– Так он живой, получается? – спросил Захар, уже шагая ко входу в здание следом за побратимом.

– Ну да. Слабый, похоже, еле слова выговаривает, но точно живой.

– Подождите тут, мужики, – сказал Захар, окинув хмурым взглядом своих подопечных. – Мы за пленником и назад. И, смотрите тут, без расхлябанности! Нео вернуться могут в любую секунду, а нам потери лишние не нужны. Тем более что до крепости уже рукой подать.

И снова разведчики согласно закивали: умирать, конечно же, всегда неприятно, но особенно – в такой близости от дома, когда до ворот, кажется, можно за минуту домчаться, если нестись во весь опор.

– Даже странно, что нео пленника не сожрали, – заметил десятник, когда они уже спешили по коридору в ту самую комнату, где лежал связанный бугай. – Кремлевского, ради выкупа еще могли придержать, но этого-то почему не съели?

– Ну, может, хотели вернуть Вадиму? – предположил Игорь.

– Зачем тогда связали? Да и где тот Вадим? Думаешь, с ним все нео Зоны якшаются?

– Да навряд ли, конечно.

– Ну так и я про что...

– Наконец-то... – пробормотал мужчина, когда дружинники появились на пороге. – Воды... дадите?

– Закрой рот, – ответил на это Захар.

Он подошел к пленнику вплотную и, опустившись на корточки, придирчиво его осмотрел. Игорь остановился за его широкой спиной и сложил руки на груди, полностью доверившись побратиму. Решит допрашивать прямо здесь – пускай. Скажет везти в Кремль и уже там с ним беседовать – ради бога.

– Где Вадим? – спросил десятник.

Захар будто мысли побратима прочел. Впрочем, вопрос, что называется, витал в воздухе, так что удивляться, на самом деле, было нечему.

– Вы о... о маркитанте? – наморщив лоб, уточнил мужчина. – Но откуда...

Он ненадолго задержал взгляд на Захаре, после чего уставился на Игоря, щурясь, видимо, для того, чтоб получше рассмотреть лицо дружинника.

– О маркитанте мы, да, – нетерпеливо подтвердил десятник. – Так где он?

– А я ведь тебя помню... да и тебя тоже... – пробормотал мужчина.

– А сразу, конечно же, не узнал? – недоверчиво уточнил Игорь.

Ему не верилось, что бугай мог забыть их лица. Особенно учитывая то, как они расстались – с помощью неумоимого «Рекса» разнеся склад Вадима в щепки и поубивав большую часть его охраны.

«Хотя... если он тут, в плену, довольно долго, без воды и еды... мало ли, что в мозгу за помутнения будут? Быстро соображать точно не сможешь...»

– Не узнал... но теперь вспомнил... – Мужчина шумно сглотнул. – Дайте воды, молю... в горле сухо, как... как...

– Ответ на наш вопрос сначала, – тоном, не терпящим возражений, сказал Захар. – Где Вадим?

– Надеюсь, нигде, – облизав потрескавшиеся губы, ответил мерзавец. – Надеюсь, его крысособаки сожрали или био... Было бы отлично!..

– С чего это вдруг ты ему смерти желаешь? – хмыкнул Игорь. – Ты ж на него работал!

– Я не на него работал больше, а на брата его, Кондрата, – поправил пленник.

– Так Кондрат его брат? – удивился дружинник.

Они с десятником обменялись взглядами.

– Ну да. Я склад ихний охранял, Вадим к нам захаживал, конечно, но я с Кондратом больше был... – Бугай закашлялся. – А потом... потом Вадим вас притащил, ну и... ну и все.

– Что-то не больно верю я в такую резкую смену настроения, – заметил десятник, подозрительно глядя на пленника.

– А что тут не... не верить, кхм... Пока было спокойно, держался его. Но махинации его мне никогда не нравились... так-то...

Выкручивается, подумал Игорь, хмуро рассматривая ерзающего мужчину. Впрочем, бугай вел себя, как и любой другой наемник – работал на кого-то ровно до той поры, пока этот кто-то давал ему кров и пищу, после же мог запросто ополчиться против вчерашнего командира. Так что, вроде бы, ничего удивительного. И подозрения Захара, как будто, совершенно беспочвенны.

«Вот только мне и самому этот мерзавец не по душе...»

Игорь уже открыл рот, дабы спросить, что пленник забыл в окрестностях Кремля, когда снаружи послышался металлический скрежет. Встрепенувшись, оба побратима разом повернулись к окну. Они не понаслышке были знакомы с подобным угрожающим звуком, который, как правило, издавали несмазанные шарниры плотоядных биороботов, денно и нощно снующих по Москве в поисках пищи.

Захар принял решение моментально.

– Берем его и уходим, – быстро сказал он. – Допрос продолжим в Кремле.

– Что это за звук? – дрожащим от волнения голосом спросил мужчина, с опаской косясь в сторону окна. – Это... это био, да?

– Закидывай на меня и ходу, – предложил Игорь. – А там к Михе закинем, он же хвастал, что его Тягач может хоть тонну на себе увезти...

Захар отрывисто кивнул и, ухватившись рукой за веревку, которой был связан пленник, живо вздернул его на ноги. Игорь перекинул мужчину через плечо, словно мешок картошки, и, пыхтя, побежал в коридор. Захар шел следом, прикрывая тыл от возможной напасти: судя по тому, что скрежет не стихал, а, напротив, с каждой секундой становился все громче, био стремительно приближался к их временному пристанищу.

– Что случилось? – обеспокоенно поинтересовался Тимофей, когда Захар и Игорь с пленником на плече выбежали из здания.

– А ты скрежет не слышал? Био идет, – бросил десятник. – Пора нам уходить.

– Михе, примешь? – спросил Игорь, шумно дыша: даже для такого верзилы, как светловолосый разведчик, пленник оказался слишком тяжел.

– Закидывай, – милостиво разрешил конопатый товарищ.

Пара мгновений понадобилась, чтобы уложить маркитантского прихвостня поперек седла.

– А ты ко мне забирайся, – распорядился десятник. – Вместе поедем.

Игоря упрашивать не пришлось: приняв руку помощи, он позволил затащить себя на спину захаровского скакуна.

– Какой это у тебя по счету фенакодус? – уточнил старший побратим тихо, так, чтобы слышал его только Игорь. – Двадцатый?

– Второй, – хмыкнул дружинник. – Нашел время шутки шутить, тоже мне...

– Все равно много, второй раз на рейде и второго скакуна потерял... Этак фенакодусов не напасешься!

Игорь ничего не ответил, только покачал головой и фыркнул.

Захар тоже усмехнулся и, пришпорив фенакодуса со звучным именем Горд, направил его к кремлевским стенам.

Глава 1. Наследие

Игорь сидел на лавке и нервно притопывал сапогом по полу, когда в помещение вошел Захар.

– Ну что там? – спросил младший побратим, вскакивая с лавки.

– Чего ты так переживаешь? – усмехнулся десятник. – Никуда этот твой мерзопакостный наемник не денется, чем дольше в остроге просидит, тем охотней все нам расскажет.

– А воевода-то что сказал? Дал добро на допрос? Или сам хочет с ним говорить?

– Да ему-то зачем? Это же в первую очередь наше с тобой дело. И воевода прекрасно понимает, что лучше и подробней нас с тобой этого типа никто не расспросит.

Игорь кивнул. И действительно: что мог испросить у пленника тот же Миха? Или сам воевода? Тогда как у Захара и особенно у Игоря имелось к наемнику немало любопытных вопросов.

– Ну что, пошли? – десятник вопросительно посмотрел на побратима.

– Как скажешь, – пожал плечами светловолосый дружинник.

Игорь старался казаться равнодушным, однако на самом деле буквально сгорал от нетерпения. Еще бы! Разве мог он предположить, что буквально через две недели после их заключения в Кремле окажется прихвостень коварного маркитанта?

«Возможно, конечно, он никак не поможет нам в поисках Вадима, – думал Игорь, шагая следом за Захаром по коридору. – Тем более вон как он его ненавидит! Но попытаться выудить у него эту информацию определенно стоит».

Они вышли на улицу и тут же погрузились в привычный уху шум – вдали звенели клинки тренирующихся воинов, клочкотали горны и гудели меха кузнецов, гомонили люди у домов, потрепанных, но все еще способных приютить под своей крышей жителей Кремля. Скользя взглядом по окрестностям, Игорь невольно обратил внимание на ребятню, которая играла в узком проулке – улыбки и смех большинства малышей разительно контрастировали с хмурой миной крохотного брюнета. Ему было на вид лет пять, может, шесть, но он казался таким маленьким взрослым. Пока другие наслаждались дуракавалянием, он стремился победить в этой, как будто, пустяковой игре.

«Явно большой человек вырастет, – подумал Игорь, с удовольствием наблюдая за потугами коротышки. – Наверняка, сын кого-то из наших...»

Когда-то и они с Захаром тоже были подобными «буками». В иное время и в ином месте их бы, наверное, сочли страшными занудами, но здесь, в Кремле, ценился в первую очередь серьезный подход к делу. Жизнь современного человека была слишком коротка, чтобы тратить ее понапрасну. Каждый знал это с младых ногтей, но не всяк умудрялся побороть соблазн. И, по иронии, особенно сложно было взять себя в руки как раз носителям D-гена, кому в будущем надлежало с мечом в руках защищать родную крепость на стене или за ней, в московской Зоне. Урожденный пахарь, ставший дружинником – нонсенс. А вот носители D-гена, «скатившиеся» до мастеровых, встречались чуточку чаще.

«Похоронить талант и доверие окружающих – это, конечно, надо умудриться...»

На входе в острог скучал бледный русоволосый стрелец. Было ему лет двадцать пять, как Захару, может, даже меньше. Завидев, что к нему приближаются двое дружинников, стрелец приосанился и приветствовал вновь прибывших со всем надлежащим почтением. И разведчики, не задумываясь, ответили ему тем же.

– Где пленник, которого мы привезли? – уточнил Захар.

– Пойдемте, провожу, – охотно вызвался стрелец.

Десятник кивнул, и русский воин, открыв дверь, первым нырнул в мрачную прохладу острога. Оказавшись внутри, Игорь невольно поежился, и это, конечно же, не укрылось от стрельца.

– Ночью здесь вообще холодрыга, – сообщил он тут же, шагая по лестнице вниз. – Зуб на зуб не попадает.

Дружинники промолчали, и наметившийся было разговор умер в зародыше.

Они прошли мимо двух глухих дверей и остановились у третьей. Игорю почудилось, что из-за предыдущей доносится чей-то рык, и он, поддавшись любопытству, уточнил:

– Там кто-то есть?

– Нет. Откуда? Пленники у нас тут – редкость, сами ж знаете.

– А звук такой... странный, – пробормотал Игорь, откровенно глаза на заинтересовавшую его дверь. – Надо же...

– Давай, не отвлекайся, – нахмурился Захар. – Чем к шорохам всяким прислушиваться, лучше думай, чего у прихвостня вадимовского спрашивать.

– Так я это... уже, – соврал Игорь.

На самом деле он плохо представлял себе, что спрашивать у наемника. Единственное, что хотел знать Игорь – это живы ли опальный маркитант с его братцем-подельником или уже давно горят в аду? Но пленник, судя по их первому разговору, с этим помочь как раз таки не мог.

«Впрочем, чего гадать, если наемник – вот он, за этой дверью?» – подумал Игорь, глядя на возящегося с замком стрельца.

В крохотной камере было еще холоднее, чем в коридоре. Пленник сидел в углу, дрожа всем телом, а зубы его громко отбивали барабанную дробь. Руки и ноги его были связаны; только поэтому, видимо, он не бросился к вновь прибывшим, едва услышал скрип замка.

– Заб-б-берите меня отс-с-сюда, – взмолился он, продолжая клацать челюстями.

Игорю тут же вспомнился нейромантский «Рекс» – био тоже вечно так делал, правда, не из-за мороза, а из-за разболтавшихся от времени шарниров. Собственно, за это Громобой и прозвал своего «питомца» Щелкуном.

«Где вы сейчас, интересно? – с тоской подумал дружинник. – Живы ли вообще? Щелкун-то наверняка, а вот Громобой...»

И снова воспоминания овладели им и потащили его сознание обратно в прошлое. Изрядно поредевший после встречи с био отряд наемников покидал поле брани, Игорь стоял на коленях рядом со связанным побратимом, а «Рекс», с бесчувственным нейромантом в зубах, уносился прочь по широкой улице. Это было совсем недавно, двух недель не прошло, а потому те сцены не успели забыться, потускнеть. Игорь отлично помнил боль и отчаяние, которые переполняли его, когда он вопил био вслед: «Громобой!». Чуть позже дружинник нашел на поле брани шнурок с шестеренкой, который нейромант, как амулет, носил на шее, и, разумеется, оставил находку себе – как память о странном друге, помогшем ему вернуть побратима и груз... похоже, даже ценой собственной жизни.

Рука Захара, легшая к нему на плечо, отвлекла от мыслей.

– Эй, ты тут? – обеспокоенно поинтересовался десятник.

– Да, да, здесь, – пробормотал Игорь, стыдливо пряча взгляд.

Негоже дружиннику витать в облаках, особенно в такой важный момент. Хуже было б в мысли удариться прямо во время сечи. Вот бы нео порадовались, если б он вдруг застыл, будто статуя, с занесенным над головой мечом, и рассеянным взглядом уставился в никуда...

– Я вас снаружи тогда подожду, да? – уточнил стрелец.

Он, судя по всему, хотел вернуться на поверхность и погреться на солнышке.

– Давай, – кивнул Захар, и русоволосый вышел за дверь, даже не взглянув в сторону пленника. Был этот стрелец, стороживший острог, каким-то совсем безразличным, скучающим.

Наверное, поэтому его и отрядили охранять заключенных – камеры большую часть времени пустовали, и надзирать тут было не за кем, так что ходили сюда даже подобные, апатичные, носители D-гена.

– Я же тут ок-к-колею... – нетерпеливо прокрипел пленник.

– А ты что же, думал, будешь тут за гостя дорогого? – фыркнул Захар, презрительно глядя на бугая сверху вниз. – Таким, как ты, у нас здесь головы рубят обычно. Как предателям рода человеческого.

Пленник снова поежился – на этот раз явно не из-за холода, а из-за страха; представил, наверное, как его ставят на колени и как меч палача несется к его незащищенной шее, и ужаснулся.

– Времена сейчас лихие, – пробормотал бугай дрожащим от волнения голосом. – Вы вот в Кремле от напасти мутантской хоронитесь, а там, снаружи, спасаемся, кто во что горазд.

В беседе он, кажется, малость согрелся, по крайней мере, зубами стучать перестал и даже немного разругался.

– И с нео якшаться – это, видно, тоже способ спастись, да? – едко поинтересовался Захар.

– Кондрат давал крышу над головой, консервы, – отозвался пленник. – Мы его защищали. Так и жили. А в дела его я не вникал. Нео, понятно, никто из нас не любил. Да и Вадим их, конечно, не любил, но терпел, потому что с ними было проще, чем супротив них.

– Все это пустой разговор, – вставил Игорь. – Рассказывай давай, где сейчас Вадим находится, иначе я первый буду ратовать за то, чтоб тебя казнили.

– Да говорил же я уже там, в развалинах – я с Вадимом почти и дел не имел, в основном Кондрата держался! – горячо воскликнул бугай.

– Ты, видно, чего-то не понимаешь, – покачал головой Игорь. – Если ты нам ничего полезного дать не можешь, какой нам прок тебя в остроге держать? Мы, конечно, за князя и воеводу говорить не можем, но, как Захар уже сказал, с предателями человечества у нас здесь разговор короткий. Так что, если хочешь жить, заинтересуй нас как-то.

– Ну а как я вас заинтересую-то, если не знаю я ничего про этого треклятого Вадима? – пробормотал бугай.

Он, кажется, искренне недоумевал, чем можно помочь дружинникам.

– Ну, на нет и суда нет, – равнодушно пожал плечами Игорь.

Он уже повернулся к двери с явным намерением уйти, когда бугай воскликнул:

– Постойте!

Дружинники, не сговариваясь, повернулись к нему. С полминуты бугай мялся, покусывая нижнюю губу будто в нерешительности, а потом медленно, разделяя слова громадными паузами, спросил:

– А ежели я вас отведу к его главному складу, мне зачтется?

Игорь тихо хмыкнул. Надо же, какое совпадение! Вадим, помнится, тоже обещал их с Громобоем на склад отвести, туда, где Захар плененный был и груз патронов... однако ни того, ни другого там не оказалось. И вот – опять...

– К какому еще «главному складу»? – наморщив лоб, спросил Захар.

– В Тушино, – выдавил бугай. – У Вадима там – целый арсенал. Зуб даю!

– В Тушино, говоришь? – задумчиво пробормотал десятник. – А где у него там склад?

– Недалеко от Купола. Вы без меня не найдете! Это я вам точно говорю.

– Там, поди, и охрана ж имеется? – скептически произнес Захар.

– Имеется, конечно. Но меня-то они знают. Можем им сказать, что вы покупатели, что Вадим в курсе и велел отгрузить вам по полной... Ну вы же уже так делали, в Строгино, и все сработало, никто ничего не заподозрил! Но без меня, сами понимаете, никак.

– Да это-то как раз понятно, – тихо фыркнул Игорь.

В принципе, этого следовало ожидать: испугавший, что после рассказа о местоположении склада его могут со спокойной совестью казнить, бугай вызвался лично проводить отряд.

«Хорошего же они о нас, кремлевских, мнения!.. – подумал Игорь. – Информацию выудили – и голову с плеч...»

Впрочем, стоит ли удивляться, если первая и последняя встреча дружинника с Кондратом завершилась разрушением склада и гибелью нескольких наемников, точь-в-точь таких же, как этот вот темноволосый бугай, извивающийся на полу? Кто бы не счел кремлевских разведчиков палачами после случившейся бойни?

– Тушино – большой район, – сказал Захар, вопросительно глядя на побратима. – Что думаешь?

– А что я могу думать? – пожал плечами Игорь. – Ты там бывал, я – нет. Тебе видней, может там быть склад или не может.

– О, да когда я туда ездил? Года четыре прошло, не меньше, – припомнил Захар. – Я тогда еще и десятником не был, так, обычный дружинник...

– Как я, – усмехнулся Игорь.

– Да вот же!.. Ладно, потом обсудим, – спохватившись, Захар стрельнул глазами в сторону пленника. – Ты вот говоришь – целый арсенал у Вадима там. А о чем именно речь? Поподробнее расскажи об этом складе и о том, что хранится на нем?

– Ну, списков всех товаров я не ведаю, – сразу предупредил пленник. – Но то, что видел, очень... внушительно было. Пулеметы, автоматы, патронов – куча... Короче, раза в два больше, чем тот, который я в Строгино охранял.

– Да ладно, – не поверил Игорь.

Он хорошо помнил прежний склад, откуда они вместе с Громобоем таскали ящики с патронами, провиантом и прочими полезностями, чтобы уложить их в грузовой отсек Щелкуна. И пусть здание было наполовину разрушено яростной атакой «Рекса», оно все равно казалось Игорю громадным. Однако бугай упрямо покачал головой и сказал:

– Точно вам говорю! Но это надо своими глазами видеть. Давайте я вас отведу, а вы меня...

Он запнулся.

– А мы тебя что? – хмуро спросил Захар.

– А вы меня... помилуете.

– Помилуем... – произнес Игорь с отстраненным видом и медленно, будто пробуя каждую букву на вкус. – А потом на все четыре стороны отпустим?

Пленник заметно побледнел. Про то, куда ему податься, он пока что, конечно же, не думал – тут бы казни избежать, для начала. Но дружинник своим вопросом заставил его заглянуть чуть дальше в будущее. И от мысли, что он останется один на один с кровожадной московской Зоной, маркитантскому прихвостню явно стало не по себе.

Однако он быстро взял себя в руки и сказал:

– Хотелось бы. Куда угодно, лишь бы не на плаху...

– А сам Вадим? – не обращая внимания на бормотание наемника, спросил Захар. – Он на складе? Или где?

– А об этом я не ведаю, – спрятав глаза, ответил пленник. – Склад где – знаю, покажу. А Вадима я с тех пор, как мы к обозу прибились, и не видел.

– Так ты не с обозом ушел разве? – удивленно выгнул бровь Игорь.

– Нет, я сбежал, – не поднимая взгляда от пола, признался бугай. – Когда «Рекс» начал рвать и метать, я решил, что пора валить, пока не прибили. Ну и свалил. Потом бродил почти две недели, прятался да крысособак стрелял, чтоб пожрать... А тут нео встретил, они меня и скрутили.

– А чего сразу не съели? – любопытствовал десятник.

– Да я ж откуда знаю? – нервно усмехнулся пленник. – Они не ели, я не напрашивался...

Что-то в этой истории казалось Игорю очень подозрительным. То ли то, что не он зачем-то решили таскать с собой связанного «хомо» вместо того, чтобы слопать его на месте. То ли то, что пленный наемник пытался соблазнить их каким-то оружейным складом, где Вадим хранил настоящий арсенал. Наверное, он стал слишком подозрительным после судьбоносной встречи с опальным маркитантом, который водил дружбу с нею и охотно дурил покупателей, если мог тем самым удвоить свою выгоду.

Конечно, лежащий у ног Игоря пленник вряд ли отличался той же хитростью, что и его проницательный хозяин. Но ожидание подвоха уже стало для светловолосого дружинника нормой.

И потому, опустившись на корточки, он уставился в грязное лицо бугая и спросил напрямик:

– Ты понимаешь, что тебе грозит, если попытаешься нас обмануть?

Верзила ответил не сразу. Некоторое время он, не мигая, смотрел разведчику в глаза, а потом выдал:

– Да.

– И что же?

– Смерть на месте, – снова преодолел себя наемник.

– В таком случае, я думаю, ты десять раз подумаешь, прежде чем пытаться водить нас за нос, верно?

– Верно.

– Пойдем, – сказал Захар. – Надо потолковать, с глазу на глаз.

Игорь, продолжая откровенно глазеть на пленника, медленно кивнул и поднялся. Десятник пошел к двери первым, побратим устремился за ним.

– Так что, вы согласны? – выкрикнул им вслед бугай.

– Решать не нам, – пожал плечами Захар. – Как скажут воевода и князь, так и поступим.

Пока жди и молись... если ты, конечно, верующий.

– Верующий... прости Господи... – пробормотал пленник, опуская голову.

Уже на пороге Захар остановился и, оглянувшись через плечо, спросил:

– А как звать-то тебя?

– Третьяк я, сын Агапа, – нехотя буркнул наемник.

– Ну, будем хоть знать, как к тебе обращаться, – пояснил десятник.

И добавил, подумав:

– И что на могиле написать, ежели чего...

Пленник стал бледней, чем пол, на котором он лежал, и Захар, явно довольный результатом своей «черной» шуточки, вышел в коридор. Провожавший их стрелец переминался с ноги на ногу у дальней стенки, отчего-то решив дождаться, пока разведчики покончат с допросом.

– Жестко ты с ним, – заметил Игорь.

– Ну а как еще? Я вообще человек незлобный, ты же знаешь. Но конкретно этому мерзавцу, Третьяку, нарочно хотел показать, что его жизнь для нас – так, тлен и прах. Что даже лучше будет, если он упокоится в сырой земле, а не прибьется к какому-нибудь еще негодяю за кров и хлеб. Пусть не мнит себя важной птицей, короче говоря. А то решит еще, что мы без него склад не найдем, и перья расправит. А мы найдем, если понадобится, тем более что во времени мы ничем не ограничены.

– Ну а если Вадим жив? И уже начал, допустим, вывозить оттуда оружие?

– Гляди-ка, как ты далеко вперед забежал! – усмехнулся десятник. – Ну а что нам мешает отправиться в Тушино да поглядеть, на месте все лежит или же уже увезено куда-то? Пусть даже и с этим обалдую Третьяком в провожатых? Сходим, разведем. Не впервой. Есть оружие – вернемся в Кремль за подмогой. Нет – ну, на нет и суда нет. А гадать о чем-то... зачем?

– Ну, путь ведь не близкий. Идти порядочно, то есть. Считай, до самого Купола.

– А об том пусть голова не у тебя и не у меня болит, а у наших воевод. Решат они, что надо туда отряд разведывательный послать – пойдем. Решат иначе – останемся в крепости. Чего переживать?

– Рисковать зазря не хочется, должен же понимать...

– А я и понимаю, Игорек. Очень хорошо понимаю, даже лучше, чем ты... да чем большинство других наших товарищей. Я, конечно, по Москве в компании беглого стаббера и «Рекса» не разгуливал, но сколько я раз за стену ходил, пальцев двух рук не хватит, чтобы сосчитать. И в том же Тушино я уже был несколько лет назад, а потому не понаслышке знаю, как это непросто, такой длинный рейд совершать. И не всегда мы с победой возвращались, с товарами, с провиантом. Бывало, что планы проваливались, да еще как!.. Но это ведь не значит, что надо забиваться в угол и растрчивать имеющиеся припасы, пока они не закончатся? Мир дурной, но нам в нем выживать, брат. А сидя на одном месте не выживешь, к сожалению.

Игорь заметил, что стрелец чуть сбавил шаг – видно, заслушался десятника. Этого было у Захара не отнять. Зажечь сердца людей пламенной речью он мог едва ли не лучше всех в Кремле. Захар был из числа тех редких лидеров, которые увлекали за собой и словом, и делом. Десятник свято верил: никто за тобой не пойдет, если ты своим примером не укажешь им путь.

– Тебе видней, – сказал Игорь вслух. – Ты и старше, и опытней. Ну а я отправлюсь за тобой, куда и когда только скажешь.

– Я знаю, брат. – Десятник тепло улыбнулся и положил руку другу на плечо. – То, что ты сделал в Строгино...

– Так бы поступил любой, – поморщившись, перебил его дружинник.

– Любой да не любой, – покачал головой Захар. – У меня вот не получилось выжить и вернуть груз, да еще и покарать предавшего Кремль негодяя!

– У меня тоже. Негодай, может, до сих пор ошивается где-то на свободе.

– Может, и ошивается, а, может, и нет. Главное, что от всего его воинства, похоже, только один Третьяк и остался, у нас в остроге, да те, кто на складе дежурят. Так что даже не переживай на этот счет.

«Легко сказать!..» – подумал Игорь про себя.

На самом деле он думал о случившемся каждый божий день. И очень жалел, что не смог самолично отправить к праотцам проклятого Вадима. Пусть тогда на стороне мерзавцев был численный перевес, Игорь все равно корил себя за то, что не сумел сполна отомстить марки-танту за предательство... и не предотвратил гибель Громобоя.

Дружинник невольно склонил голову и зажмурился: стоило ему вспомнить о нейроманте, и на глазах наворачивались предательские слезы. Разведчик никак не мог объяснить, как успел за один несчастный день прикипеть душой к бродяге-бородачу. Наверное, дело было в том, что за этот день они успели пережить столько, сколько иные и за месяц не переживают. Захар любил повторять, что общая беда сближает куда больше общей радости. И теперь Игорь на собственном опыте прочувствовал, насколько верно это умозаключение побратима.

Они покинули острог, без лишних слов простились со стрельцом и вновь окунулись в гомон крепости.

– Как поступим? – спросил Игорь.

– Жди меня в Никольской башне. Я с воеводой переговорю, а дальше – как он скажет.

– И что он скажет, как думаешь?

– Ну, сам решение он точно принимать не станет, уж больно далеко это Тушино находится. К князю пойдет, а что они совместно решат... Я лично думаю – поедем, нашим же отрядом. Тем более что последний рейд без потерь прошел. Пусть доверие восстановить трудно, но там ведь, наверху, тоже люди, все понимают – что подставили нас, что мутов натравили... В общем, морально готовься, брат, а там уж, как получится.

Мимо шли две молодые девки в самом соку, о чем-то щебетали вполголоса и на дружинников поглядывали. Одна, с длинной, до пояса, русой косой, даже подмигнула Игорю, и он, молодой скромняга, на боях помешанный, замер, точно завороченный. Поэтому-то хлопок по плечу, которым его одарил десятник, едва не сбил дружинника с ног. Девки тут же прыснули и пробежали мимо, с хитрецей косясь на побратимов.

– Ты чего? – краснея от стыда, пробормотал Игорь.

– Потом на девок засматриваться будешь, когда дела все переделаешь, – наставительно изрек Захар. – Отец Филарет как всегда говорит?

– Делу время, потехе час, – нехотя буркнул дружинник.

– Вот! Ну так что, готов ты к делу?

– К какому именно?

– Ах, чтоб тебя!.. – разгневанно сведя брови к переносице, в сердцах воскликнул Захар. – Иди, в общем, в Никольскую башню и жди меня с вестями. Думаю, не упустит князь возможности пополнить наши запасы за счет предателя-маркитанта. Тем более тот нам еще с прошлого раза задолжал...

– Ну давай, буду ждать с нетерпением, – кивнул Игорь.

Они распрощались, и разведчик устремился к темному силуэту Никольской башни. Шагая, он невольно озирался по сторонам в надежде отыскать понравившуюся деваху, но та как в воду канула. Зато на глаза снова попался тот серьезный мальчишка, которого Игорь приметил еще по дороге в острог. Теперь паренек был один-одинешенек – выхаживая по крылечку, с до комичного серьезной физиономией отрабатывал удары руками и уклоны.

«Интересно, где его отец?»

Новое воспоминание, куда более древнее, чем все предыдущие, моментально стерло улыбку с лица дружинника. Ему было всего десять, когда отец ушел в Строгино и не вернулся. Девять лет спустя сын едва не разделил участь родителя. Только невероятное везение, помноженное на упрямство, позволило Игорю спастись самому и вызволить из беды побратима.

Он остановился у самого крыльца, где упражнялся серьезный малыш, и, оглянувшись через плечо, закусил нижнюю губу. Что там говорил Захар? Сначала – к воеводе, потом – к князю... в общем, вернется побратим в Никольскую башню явно очень и очень нескоро.

«Так, может, заняться не просиживанием штанов, а чем-то куда более полезным?»

– Эй, паренек! – окликнул он брюнетика и невольно ухмыльнулся: именно так обращался к нему сгинувший нейромант Громобой – «паренек» и никак иначе.

Мальчишка вздрогнул и замер, моментально превратившись в статую. Медленно, будто боясь спугнуть свое счастье, он повернул голову и со странной смесью испуга и восторга уставился на стоящего перед ним дружинника. Носителя D-гена было трудно спутать с обычным мастеровым или пахарем – не обделенные мускулатурой, они все же довольно ощутимо отличались от прирожденных воинов... да хоть той же осанкой.

– Здравствуйте, дядя дружинник, – пролепетал мальчуган.

– Здравствуй и ты, – кивнул разведчик с теплой улыбкой.

Восхищенный взгляд мальчишки скользил по нему сверху вниз и обратно. В такие моменты Игорь чувствовал себя полноценным взрослым, а не младшим среди равных. Он и сам, будучи отроком, терял дар речи, едва оказывался поблизости с всамделишным дружинником. Даже несмотря на то, что у него родной отец был разведчиком, дух все равно захватывало. После подобных встреч хотелось работать над собой еще усердней, чтобы однажды получить возможность стать таким же, войти в элитные войска Кремля.

«А если бы какой-нибудь дружинник вызвался со мною приемы отрабатывать, я бы и вовсе с ума сошел от счастья!..»

– Что подделываешь? – благодушно полюбопытствовал Игорь.

– Приемы отрабатываю, – горделиво вскинув подбородок, похвастался отрок.

– А кто тебя им научил? На юнака ты не похож...

– Чего это не похож? – обиженно спросил мальчишка.

– Ну а тебе сколько лет? – напрямик спросил дружинник.

Хмурый брюнет мигом поник и, сделав вид, что его вдруг очень заинтересовали носки его старых ботиночек, буркнул:

– Шесть только...

– Ну-ну, не кисни... Я вон, в твоём возрасте...

Он хотел рассказать о своей первой вылазке за крепостную стену через лаз, прорытый то ли крысособакой, то ли иным мелким мутлом, но вовремя себя одернул. Не хватало еще, чтоб мальчишка, вдохновившись рассказами не в меру болтливой разведчика, решил повторить его подвиг и сгинул в неприветливой московской ночи.

«Не у всех ведь есть такой храбрый товарищ, как Захар...»

– Что – «вы в моём возрасте», дядя дружинник? – осторожно спросил мальчишка, отвлекая разведчика от мыслей.

– А? Ну... в смысле, я в твоём возрасте тоже тренировался вонсю, – сгладил Игорь. – Так ты не сказал, кто тебя приемам научил, которые ты отработываешь?

– Отец научил, – горестно вздохнув, ответил мальчишка.

«Ну вот, расстроился... И зачем я вообще завел этот разговор?»

– Ты прости, если что, – виновато произнес разведчик. – Я ж не знал...

– О чем? – не понял мальчишка.

– Ну, что твой отец... – Игорь снова замялся: складывалось впечатление, что каждым новым словом он делал только хуже. – Что он... в общем, покинул дом. Но я могу помочь тебе... если ты, конечно, хочешь?

– Было бы здорово, – виновато улыбнулся брюнет, – но, боюсь, отец может расстроиться, если я буду заниматься с кем-то другим.

Игорю потребовалось с полминуты, чтобы переварить услышанное.

– А где твой... – неуверенно начал он и снова осекся на полуслове.

К счастью, паренек сообразил сказать:

– Отец-то? На службе.

– Вот как... А где он служит? – с трудом сдержав облегченный вздох, уточнил Игорь.

– В стрелецком приказе. Сегодня, вроде бы, острог сторожит.

«Надо же, вот так встреча!.. – подивился Игорь. – Так он, выходит, сынишка того скучающего стрельца с отсутствующим взглядом... Никогда бы не подумал!»

– Матушка знает, – тем временем продолжил мальчишка. – Могу спросить, ежели надобно...

Он двинулся было к двери, но дружинник спешно воскликнул:

– Нет-нет, не надо мать звать. Продолжай заниматься, а я, пожалуй, дальше пойду...

– А что вы хотели вообще, дядя дружинник?

– Да так, смотрю, манера у тебя на отцовскую похожая... – соврал Игорь. – Вырастешь – будешь вылитый он!

В ответ на комплимент разведчика мальчишка наконец расплылся улыбкой, робкой и неуверенной. Это была маленькая, но победа.

«Нет лучшего примера для подрастающего отрока, – думал Игорь, с трудом заставляя себя отвернуться и продолжить свой путь, – чем его собственный отец. Пусть на самом деле он и увалень, сыну об этом знать совершенно необязательно...»

А, может, и его родитель тоже был не так хорош, как Игорь думал? Может, люди славили отца, только чтобы он служил для него примером, чтобы стал своеобразным эталоном, к которому стремился бы усердный и талантливый юнак?

«Пожалуй, на этот вопрос я не хотел бы получить ответа, – решил Игорь. – Буду и дальше верить, что он был хорош».

До входа в башню оставались считанные метры.

* * *

Они брели по улицам Москвы, не особо беспокоясь о том, что на них кто-то обратит внимание. Он – стаббер Гром из Зоны трех заводов, она – любовь всей его жизни, рабыня из тех же мест со скучным именем «60», которую Гром ласково именовал Бо. У него за поясом – два пистолета, но он даже не помнит, есть ли в них патроны. А зачем им патроны? Ведь они просто гуляют по вечерней Москве. Что может случиться в этом богом проклятом месте?

«Смерть? Да ну...»

– Сломаны зубья о планки креста, это наша вера, а та вера – не та... – промурлыкала Бо.

Гром встрепенулся и посмотрел на нее так, будто впервые видел. Строчки, которые напевала его возлюбленная, они придумали вместе и позже использовали, как кодовую фразу для своих тайных встреч: когда он приходил, Бо произносила первую часть предложения и открывала, только если слышала вторую в ответ.

Впрочем, умилению на смену быстро пришло недоумение, ведь Гром поймал себя на мысли, что совершенно не помнит, как они оказались в столице. Ну и вдобавок он явно был чем-то встревожен, но не мог понять, чем. Что его пугало? Полуразрушенные дома, где могли прятаться самые разные твари? Или собственная беспечность? Наверное, все понемногу...

– Ты какой-то напряженный, – мягко произнесла жена. – Это из-за нашего побега, да?

– Из-за него тоже, – неуверенно выдавил Гром.

Никто не пытался напасть на влюбленную парочку, но стаббера не покидало ощущение, что все происходящее как-то... неправильно. То есть – совсем. Чем занимаются стабберы? Разведывают московскую Зону. Но если по ней можно гулять вот так, взявшись за ручки, зачем вообще нужны специально обученные люди? Какой прок воспитывать и тренировать из мальчишек выдающихся воинов-лазутчиков, если ничего страшного в Москве нет?

– Эй, там! – услышал Громобой чей-то хриплый голос.

Он поднял голову и увидел, что им приветливо машет огромный нео. У ног дикаря сновала одинокая крысособака. Она ластилась к бугаю, терлась об его ноги грязным свалывшимся мехом, и он невольно скалил уродливые зубы, потому что ему было щекотно.

– Ну где вы там бродите? – нетерпеливо воскликнул нео. – Все уже вас заждались!

«Все»? Кто это еще – «все»? И почему Гром не помнит, что их кто-то должен ждать? Стаббер закусил нижнюю губу: он чувствовал, что должен ненавидеть нео, не только этого конкретного, а вообще любого, но не мог понять, почему. Такое ощущение, что ненависть эта была заложена в него на уровне генов, но сейчас он сомневался в этом и смотрел на лохматого мутанта скорее с недоумением, чем со злобой. Да и дикарь никакой агрессии не проявлял – разве что слишком волновался по поводу опоздания Грома и Бо.

«Возможно, поводов ненавидеть его нет *еще*, – пришла в голову странная мысль, – но очень скоро они появятся?»

– Простите, мы не нарочно! – виновато потупившись, откликнулась на слова нео жена.

– Прощаю, – ответил дикарь. – Пойдемте, провожу вас.

«Для нео он слишком складно болтает, – отметил Гром про себя. – Хотя я, честно говоря, даже не помню, как должны болтать нео...»

Стаббер позволил Бо увлечь себя за собой, потому что до сих пор не понимал причин своей тревоги. Почему он должен ненавидеть дикарей? Что они ему сделали? Он не помнил. Просто ему казалось, что так – правильно. Сердце бешено стучало в грудную клетку, а мозг продолжал недоумевать.

Вслед за дружелюбным нео супруги свернули за угол и увидели огромную красную полусферу, которая, будто объята пламенем, лежала срезом на асфальте. Границы полусферы упирались в стены придорожных зданий, так что обойти странное порождение московской Зоны не представлялось возможным.

«Это Красное поле Смерти? – недоуменно нахмурился Гром. – Но почему мы идем к нему? Зачем? Оно же... опасно?»

Стаббер не был в этом уверен, но смутно припоминал, что прежде они всегда сторонились Полей Смерти. Что-то там с людьми происходило – то ли мутировали они, то ли мучились и умирали, а, может, сразу сгорали дотла... Как бы то ни было, не в меру болтливый нео вел их именно к красной полусфере, у ближайшей границы которой переминались с ноги на ногу другие мутанты. При виде влюбленных они принялись зубоскалить и кивать уродливыми головами.

– Пришли! – услышал стаббер.

– Наконец-то!

– Дошли-таки!

«А куда дошли?» – недоуменно нахмурился Гром.

Он смутно помнил, от чего они бежали – от непонимания, от неприятия их любви Директором и коллегами-стабберами. Но куда... и что именно толкнуло влюбленных на этот отчаянный шаг, Гром не знал.

– Вам – туда, – сказал встретивший их нео, указывая грязным корявым пальцем на красную полусферу.

– Туда? – недоверчиво переспросил стаббер.

– Ну а куда же еще. Там... – Дикарь снова ткнул пальцем в сторону Поля Смерти, – Кремль, куда вы и шли. Так что – идите.

– А что, неужели... нет обходного пути? – осторожно уточнил Гром.

– А чем тебе не нравится этот? – совершенно искренне удивился нео.

Остальные мутанты тоже стали переглядываться и переговариваться, явно не понимая, что смутило стаббера.

– Ну... тут ведь... Поле Смерти, – неуверенно пояснил Гром. – Как-то... не хочется через него идти.

– Ха! – усмехнулся нео. – Не хочется! А ты думал, путь к новой жизни прямой и ровный? Нельзя к счастью прийти, не обжегшись. Нельзя...

– Милый, ты чего? – склонившись к уху мужа, тихо прошептала Бо. – До Кремля уже рукой подать. Пошли.

– Я... оно... – сбивчиво пробормотал Гром, не зная, чем и оправдаться.

Он ничем не походил на себя прежнего – уверенного, храброго стаббера, которому не требовалось часами раздумывать над тем, как поступить. Но сейчас Гром действительно был сбит с толку. Нео предлагал ему пройти через Поле Смерти, а Бо, вместо того, чтобы отговаривать благоверного от столь опрометчивого поступка, напротив, подталкивала его вперед.

«Моя память куда-то делась, но... как же инстинкты? Они ведь буквально воют об опасности, будто стая крысособак! Что же, просто плюнуть на них и пойти за Бо?»

– Мне кажется, это... это не лучшая идея, – робко предположил стаббер.

Изящная кисть так быстро выскользнула из его ладони, что он даже не успел сжать пальцы и остановить ее. Бо отступила от него метра на три и одарила мужа недоуменным взглядом.

– В чем дело, малыш? – спросил он хрипло и, откашлявшись, добавил:

– Мне кажется, лезть в Поле Смерти опасно. А тебе?

– С чего вдруг ты решил, что это опасно? – гневно сведя брови на переносице, возмутилась она. – Ты разве раньше уже проходил через Поля Смерти?

– Нет, но...

– Тогда откуда ты знаешь, что это опасно? Если сам не пробовал? Может быть, пройдя через это Поле, ты обретишь то, о чем никогда даже не мечтал?

– Например, смерть, – не удержался от едкого комментария стаббер.

Она закатила глаза и, в мгновение ока развернувшись вокруг своей оси, быстрым шагом устремилась к красному куполу Поля.

– Бо, стой! – воскликнул Гром.

Он хотел догнать ее и остановить, но на его пути вырос болтливый нео и один из его товарищей, с наполовину оторванным ухом.

– Лучше не мешайте мне, – прорычал стаббер, моментально закипая.

– Она сама сделала этот выбор, – прорычал увечный дикарь.

– Отойдите... будет хуже...

Зубы его скрежетали друг о друга так, что эмаль во все стороны летела. Глаза налились кровью, и теперь стаббер взирал на стоящих перед ним дикарей через багровую пелену. В мозгу уже шел анализ – сколько их, чем вооружены, как много времени понадобится, чтобы отправить к праотцам всех до единого?

«Не помню, за что их ненавижу, но отлично помню, как их убивать. Значит, прежде уже доводилось, и не раз?»

– Одумайся, Гром, – начал было болтливый нео, но стаббер не дал ему договорить: нож беглеца сверкнул в тусклом свете московского солнца, и дикарь отчаянно захрипел и обеими руками схватился за горло. Грязные пальцы мгновенно побагровели от крови, хлещущей из страшной раны, нанесенной Громом.

Не теряя времени даром, стаббер ударил противника ногой в грудь, и мутант буквально отлетел в сторону. Его безухий дружок заревел и бросился на Грома, но тот, конечно же, был готов к атаке. Натренированное тело разведчика двигалось само, на одних рефлексах: поднырнув под дубиной нео, он вонзил нож в незащищенный бок противника и оттолкнул раненого обеими руками. Увечный мутант смог устоять на ногах, но потерял драгоценные секунды форы, за которые разведчик умудрился вырвать из-за пояса пистолет и всадить пулю дикарю в затылок. Зашатавшись, мерзавец рухнул на бьющегося в конвульсиях товарища и невольно припечатал собрата к земле.

«Минус два».

Гром, решив, что путь свободен, хотел броситься вдогонку за Бо, но другие нео уже неслись к нему, рыча и размахивая дубинами. Сколько их было, стаббер не считал – все, что он мог, это стрелять, и он стрелял, не жалея патронов, понимая, что не должен умереть сейчас, когда до их заветной цели осталось совсем чуть-чуть.

«Ты должен... ради себя, ради Бо... должен жить...»

Вдруг Гром увидел, как его благоверная медленно входит в Красное поле Смерти, и, презрев опасность, рванул вперед, надеясь все-таки удержать ее от непоправимого шага. Однако нео, конечно же, не остановились, а продолжили атаковать даже со спины. Стаббер пропустил один удар дубиной, затем – другой. Левая рука отнялась, повисла безжизненной плетью. После удара в торс каждый шаг отдавался в правом боку нестерпимой болью, от которой хотелось вопить в голос – похоже, ему сломали половину ребер. Новый выпад нео обрушил его на землю, но Гром не сдался – пополз на четвереньках, закусив нижнюю губу до крови.

Ему казалось, что он все-таки сможет догнать Бо, потому что она как будто засомневалась и замерла у самой рубиновой границы... но это впечатление было обманчиво: пару мгновений спустя рабыня смело шагнула вперед, и алая полусфера поглотила ее целиком.

На глазах Грома навернулись слезы. Стабберы плачут нечасто, и сейчас был тот редкий случай, когда боль душевная оказалась сильнее боли физической. Презрев последнюю, беглец рванулся к Полю Смерти с низкого старта. Гром надеялся, что еще не поздно, что красная полусфера еще не превратила Бо в прах...

Он был в считанных шагах от Поля, когда оттуда вдруг высунулась наружу распахнутая пасть «Рекса». Гром даже не успел затормозить. На полном ходу он влетел прямо в эту пасть и моментально погрузился во мрак.

А потом зловеще клацнули челюсти.

* * *

Беглый стаббер Громобой открыл глаза и уставился, часто моргая, в грязно-серый потолок.

«На рай не очень-то и похоже, – подумал нейромант. – По крайней мере, я всегда думал, там будет почище».

Он попытался резко повернуть голову влево, но шею прострелило, и Громобой, тихо охнув, решил действовать осторожней. Нейромант плохо помнил, что с ним было. Очевидно, что любезные нео и спешащая к Красному полю Бо существовали только в больной фантазии бородача и ничего общего с реальными прообразами не имели. Все знали, что дикари тупы и с «хомо» болтать не любят, а его чудесная жена ни за что не побежала бы в Красное поле сама...

Ну и Щелкун. С чего бы ему выныривать из Поля Смерти? С чего ему вообще там быть да еще и проглатывать собственного хозяина?

С пятой попытки Громобой смог-таки повернуть голову и увидел стену, не менее грязную, чем потолок, и дверной проем в этой стене, за которым обнаружилась... еще одна грязная стена. По ощущениям, это были какие-то развалины, ничем не лучше и не хуже тех, в которые нейромант забредал во время своих прежних странствий.

«Нет, это точно не рай. Это та же проклятая московская Зона, которую я уже истоптал вдоль и поперек...»

Громобой чувствовал, что их с Щелкуном связь по-прежнему крепка, но боялся переключаться на стального ящера: сознание нейроманта было, по его ощущениям, еще довольно шатко. Бородач зажмурился, прислушался к себе. Нет, пожалуй, риск утратить контроль над «Рексом» был слишком велик. Стоило еще немного повременить с активными ментальными действиями.

Снова открыв глаза, нейромант уставился на уже помянутый дверной проем, за которым, возможно, скрывался ответ на главный вопрос – где же он оказался?

«Я умирал у какого-то заброшенного дома, гладил Щелкуна, прощаясь, а потом – провал... и вдруг я – живой... и здесь, а не там... только где это – “здесь”?»

Хуже всего было то, что он не мог подняться. Руки и ноги не слушались, даже шея и та поворачивалась только с огромным трудом. Громобой не знал, последствия ли это ранений, полученных в бою с наемниками Арены, или он просто слишком долго пролежал без движения, настолько долго, что тренированные мышцы просто атрофировались от бездействия. Нейромант даже близко не представлял, сколько времени провел без сознания и почему вообще до сих пор жив, а не бродит по раю в компании любимой Бо, наслаждаясь тамошними пейзажами. По личному опыту бородач знал, что организм не способен без посторонней помощи избавиться от пуль и обеззаразить раны.

«Значит, кто-то меня выходил, – заключил Громобой. – Потому что чудес не бывает».

Хотя Щелкун бы с ним наверняка поспорил: прежде био, вероятно, даже не подозревал, что найдутся люди, способные управлять им с помощью мыслей.

«Люди...»

Громобой припомнил о странной ментальной битве с нейромантом Арены. Тогда они вцепились в «Рекса», словно неразумные отроки – в лучшую игрушку: беглый стаббер пытался сохранить контроль над «питомцем», тогда как противник пытался этот контроль отобрать. К

счастью, бородачу повезло больше. Но дуэль оказалась напряженной, настолько, что Громобой, слишком ей увлекшись, позволил всадить в себя несколько пуль.

Но сейчас это было не так уж важно.

«Так все-таки кто меня спас и притащил сюда?»

Удивительно, но ответ не заставил себя ждать: прошло едва ли полминуты, когда в комнату вошел грязный мужчина. Более всего вновь прибывший походил на ворма, которого не слишком голодный био пожевал маленько и выплюнул, побрезговав глотать. В ушах незнакомца, как показалось вначале, болтались серьги, однако, когда бродяга подошел ближе, стало понятно, что это гайки. Длинный нос насквозь пронзал ржавый болт, а шею гостя обнимала потерявшая обойма подшипника.

«Как он умудрился его напаять? – удивленно подумал Громобой. – Не через голову же натянул... наверное, разрезал и разогнул, а, надев, сжал обратно, чтоб не сваливался... вот только шва не видать!»

В руках у мужчины была миска с чем-то дымящимся. Ароматы странного варева миглом пробудили в нейроманте слегка подзабытое чувство голода, и он невольно облизнулся. Бородач не знал, что за «угощение» принес этот странный человек, но в те мгновения он готов был сожрать собственные ботинки – лишь бы хоть чем-то желудок набить. И, когда в руках у незнакомца, будто по мановению волшебной палочки, появилась грязная металлическая ложка, нейромант внутренне заликовал.

«Еда!...»

Мужчина опустил ложку в миску, зачерпнул немного варева и понес к приоткрытому рту Громобоя.

«А вдруг отравя?» – мелькнуло в лохматой голове.

Но какой смысл травить его теперь, когда он пришел в себя? Хотели бы убить – убили бы раньше, пока он валялся в отключке. Или же вовсе дали бы ему умереть там, в Строгино, у безымянных развалин.

«Как вообще получилось, что Щелкун их не сожрал?» – подумал Громобой внезапно.

Вопрос этот показался нейроманту крайне занимательным. Бородач, признаться, так до сих пор и не знал наверняка, как себя ведет био, пока он спит. Паренек Игорь из Кремля утверждал, что робот в их единственный совместный ночлег стоял практически неподвижно, только головой медленно вращал из стороны в сторону, зорко озирая окрестности. Но ведь на сей раз Громобой не заснул, а потерял сознание... Ну и, опять же, на человека, своенравно увлакивающего куда-то нейроманта, био просто обязан был напасть – вне зависимости от того, считал ли он спящего хозяином в тот момент или нет. Но Щелкун не тронул странного человека, обвешенного ржавыми деталями...

«Почему?»

Ложка уперлась в сомкнутые губы бородача. Хозяин развалин недоуменно выгнул бровь.

«Проглотить? Жрать хочется – жуть... да и не в том я состоянии, чтобы сопротивляться. А то, что он не пытается запихнуть в меня варево силой, уже о многом говорит: вполне вероятно, что я тут даже не на правах пленника...»

Нехотя Громобой все-таки открыл рот и съел первую ложку. Это оказалась странноватая на вкус, но вполне съедобная похлебка, как будто из московских трав – по крайней мере, некоторые ароматы показались нейроманту знакомыми. Решив, что угощение вполне себе ничего, бородач с охоткой съел всю миску, чем вызвал у странного человека теплую улыбку. Так мог бы улыбаться радушный хозяин, глядя на гостя, за обе щеки уплетающего его стряпню. И очень вряд ли на подобное способен был человек дурной – а уж последних Громобой за свою жизнь повидал немало.

Наконец, когда ложка ударилась в пустое дно миски, нейромант перевел дыхание и с удовлетворением отметил, что сыт.

– Спасибо, похлебка замечательная, – слабым голосом поблагодарил он незнакомца. Станный мужчина с улыбкой кивнул, явно довольный собой.

– Но... кто ты такой, скажи? – не придумав ничего лучше, спросил Громобой.

Незнакомец в ответ похлопал себя ладонью по груди, потом коснулся подшипника на шее и указал на нейроманта, склонив голову и смежив веки.

– Ты что... немой? – догадался Громобой.

Мужчина открыл глаза и, приложив палец к губам, с заговорщицкой улыбкой отправился к выходу из комнаты.

– Эй, постой! Нам надо поговорить! Точней, я буду спрашивать, а ты кивай... или головой мотай... не бросай меня тут одного!

В отчаянии Громобой резко, всем телом, подался вперед, однако боль моментально сковала его, и он, зажмурившись и тяжело дыша, вжался дрожащей спиной в лежак. Ему потребовалась минута, не меньше, чтобы пережить приступ; только тогда он смог спокойно вздохнуть. Впрочем, когда нейромант рискнул снова открыть глаза, о визите незнакомца напоминал только витающий в воздухе аромат его похлебки.

«Куда я вляпался?..» – озадаченно подумал бородач.

Он больше не был голоден, но, увы, так до сих пор и не знал, где находится и зачем. Станные украшения мужчины наводили на мысль, что его спас какой-то сумасшедший бродяга (вроде его самого), но как их пути пересеклись, оставалось только догадываться.

Пребывать в неведении было равносильно муке, и потому Громобой, несмотря на слабость, все-таки решился: собрав волю в кулак, он воспользовался связью с Щелкуном и подключился на «питомца», дабы взглянуть на мир его светящимися красными глазами.

Первое, что увидел Громобой – это какой-то заброшенный дом, ничем не отличающийся от тысяч прочих, кроме, разве что, горящего внутри костра. Однако, присмотревшись, нейромант обнаружил на окнах массивные стальные решетки, а вход надежно защищала металлическая дверь. Кроме того, над этой дверью неизвестный художник желтой краской изобразил шестеренку.

«Символ Великого Механика?» – удивился Громобой.

Живущие внутри люди, судя по всему, имели какое-то отношение к Зоне трех заводов, где бородач прожил большую часть своей жизни. Плюс ко всему здешние жители явно знали толк в защите собственного дома.

Медленно переставляя лапы, био Громобоя побрел к этому таинственному зданию, дабы взглянуть на горящий внутри костер с близости.

Металлический скрежет, сопровождающий движение робота, оказался настолько громок, что из дома наружу практически тут же показались двое. Они были практически точной копией навещавшего нейроманта чудика. Разница, незначительная, заключалась только в деталях: у одного, например, вместо гаек в ушах были шайбы, а у второго шея была обмотана проводами – такими же, какими в свое время напичкали «Рекса» его гениальные разработчики.

«Может, потому био их и не тронул? – мелькнула в лохматой голове шальная мысль. – Потому что счел за своих – за роботов? Вон на них сколько всего металлического...»

Идея показалась дурацкой, но, поскольку другого объяснения пассивности био не было, Громобой решил не ломать голову зря и пока остановиться на этом варианте. В конце концов, так ли важно, почему «Рекс» не сожрал странных людей, если они не навредили бородачу, а, напротив, помогли?

Щелкун был метрах в семи от входа в здание, когда оба встречающих чудика вдруг упали перед ним на колени и уперлись лбами в потрескавшийся асфальт. Громобой велел «Рексу» остановиться и обескураженно уставился на незнакомцев красными глазами питомца.

«Что происходит? – удивленно подумал нейромант. – Почему они кланяются био?»

Вдруг из дома наружу показался еще один субъект. Он, в отличие от собратьев, был облачен не в грязные лохмотья, а в проржавевшую кольчугу с длинными рукавами, стальные поножи и черные перчатки. На шее у него был провод с огромной шестеренкой.

«Я что же, действительно вернулся в Зону трех заводов? – подумал Громобой, пожирая глазами шестеренку кольчужного мужчины. – Или это всего лишь очередное странное видение?»

Никто из местных жителей не походил ни на рабов Директора, ни тем более на горделивых стабберов. Падать ниц в Зоне трех заводов вообще было не принято, потому что в момент преклонения тебя могли отоварить по затылку чем-нибудь тяжелым. Однако назвать происходящее «фантазией» язык не поворачивался: слишком реальным казались эти люди, а вкус похлебки до сих пор царил во рту. На всякий случай Громобой ущипнул себя правой рукой за бедро и невольно скривился: нет, пожалуй, это все же не сон.

«Тогда где же я? И кто эти люди?»

– О, могучий аватар! – неожиданно воскликнул мужчина с шестеренкой на груди. – Мы, Дети Механизмов, рады приветствовать тебя и твоего хозяина, Великого Механика, на грешной московской земле!

Громобой невольно открыл рот от удивления. Что только что сказал этот тип? Кого они приветствуют?

«Дети Механизмов? И они считают, что я – это... Великий Механик? Серьезно?»

– Я – Рупор, голос нашего малочисленного племени! – представился говоривший и согнулся в ростовом поклоне. – Очень жаль, что многие собратья не дожили до сего знаменательного дня, но ты должен понимать, о Великий Механик, что тела людские не так совершенны, как твои механизмы, и старятся куда быстрее...

У Громобоя голова пошла кругом от такого обилия информации. Да, прежде, еще в бытность стаббером в Зоне трех заводов, он, как и другие *истинно верующие*, заучивал наизусть историю Великого Механика, а также пророчества, связанные с его возвращением на грешную Землю для ее Упорядочения. Теперь эти воспоминания порядком подзатерлись, но общий смысл нейромант по-прежнему помнил довольно неплохо. Что-то в духе «И когда хаос окончательно поглотит наш мир, явится Он – сначала аватаром своим, который возвестит о скором пришествии Его, а после и сам снизойдет». Но какое отношение эта легенда имела к лохматому бродяге Громобою? Почему нейроманта приняли за божество, а «Рекса» – за его аватару? И откуда вообще взялись в Москве какие-то там Дети Механизмов?

«Неужто это действительно выходцы из Зоны трех заводов? – осенила бородача внезапная догадка. – Когда-то давно покинули Директора, как мы с Бо, но пошли не в Кремль, а зажили здесь, среди развалин, обособившись от всех... и в результате совершенно сбрендив на своей вере!»

– Позволишь ли ты, о аватар Великого Механика, поговорить с твоим хозяином напрямую? – продолжил тем временем Рупор. – Ибо молили мы Упорядоченное, чтоб ты сделал нас его частью, и вот ты снизошел до нас, смертных, так позволь же прикоснуться к твоему величию, пока мы не стали лишь машинным маслом, облегчающим работу твоих механизмов...

Казалось, этот парень с шестеренкой на шее может вещать без передышки часами напролет, однако, договорив про машинное масло, он замолк и с надеждой уставился на Щелкуна. Удивительно, но вся троица свято верила, что «Рекс» не станет жрать их, благочестивых. Хотя, может, даже участь быть съеденными эти странные Дети Механизмов приняли бы, как божественное благословение. Ведь какое у них главное предназначение, если не служение Великому Механику?

«И какого же ответа они ждут?» – подумал Громобой.

Три пары глаз вопросительно смотрели на «Рекса», однако говорить пастью «питомца» нейромант, увы, не умел. Подумав, он велел стальному ящеру кивнуть, и тот подчинился, чем вызвал у Детей Механизмов неописуемый, именно что *детский* восторг.

– Спасибо тебе, о Великий Механик! – сияя, пылко воскликнул Рупор и бросился внутрь.

Двое соплеменников, однако, подниматься с колен не спешили. Широченные улыбки, от уха до уха, на их грязных лицах выглядели довольно жутко. Громобой, и без того уже осознавший, что попал к безумцам, убеждался в этом все больше. Другое дело, что пока эти чудики не казались опасными, более того, они на бородача молились и готовы были умереть за него и по его приказу. Скажи им нейромант прыгнуть «Рексу» в пасть, и они, надо думать, не сомневались бы и секунды. Фанатики, неизвестно как выжившие среди унылых пейзажей нынешней Москвы, считали Громобоя реинкарнацией их кумира – Великого Механика. И разубедить их в этом, судя по всему, не могла даже смерть бородача на старом лежаке – будучи совершенно повернутыми на религии шестерней, дикари наверняка легко объяснили бы смерть божества не пригодным для его пришествия телом или иной, более хитрой причиной.

– О Великий Механик! – Рупор чинно замер на пороге. – Позволишь ли ты к тебе приблизиться?

– Позволяю, – милостиво дозволил Громобой.

Рупор хихикнул, словно сельский дурачок, однако живо взял себя в руки и с чинной, но безучастной улыбкой подступил к кровати Громобоя.

– О Великий Механик, позволь от лица всего нашего племени поприветствовать тебя на нашей планете!

– И опять позволяю, – проскрипел бородач.

– Позволь спросить...

– Позволь я спрошу? – раздраженно перебил его Громобой.

– Да-да, конечно! – испуганно выпалил Рупор и смиренно склонил голову. Он вряд ли понял, чем вызвал гнев ожившего божества, но разумно счел за лучшее повиниться. – Простите мою дерзость, о Великий...

– Помолчи-ка маленько, – снова не дал ему договорить нейромант.

Рупор послушно заткнулся. С опущенной головой он стоял рядом с лежаком Громобоя, а бородач задумчиво жевал губу, обдумывая, как лучше всего воспользоваться этой странной неразберихой. Можно ли отправить Детей Механизмов убивать нео? Нейромант окинул взглядом стоящего перед ним мужчину. Для воина Рупор был как будто слишком тощ, хотя Громобой знал немало прекрасных бойцов, которые не выделялись на общем фоне рельефной мускулатурой и гигантскими габаритами. А вот стойка, которую принял его новый знакомец, говорила о многом – в частности, о том, что сбить Рупора с ног смог бы даже неразумный отрок. Опытный боец всегда ждет, что его атакуют...

Но Рупор – не ждал.

«Значит, не боец», – констатировал нейромант.

Разочарованный, Громобой переключился на «Рекса» и глазами био уставился на улыбающихся дикарей, оставшихся снаружи. Вот эти двое уже куда больше походили на воинов. Припомнил нейромант и парня с подшипником на шее. Тот тоже был достаточно крепок на вид.

«Похоже, в этом племени в охоте участвуют только молчуны, – пришел к выводу бородач. – А Рупор у них, судя по всему, за священника и дипломата, единственного, кто наделен голосом и способен общаться с истинным богом... да и вообще с любым живым существом, худо-бедно понимающим человеческую речь».

– Расскажи о моем пришествии, – велел нейромант.

– Что именно ты хочешь знать, о Великий Механик? – облизав пересохшие губы, уточнил Рупор.

– Все. Начиная с того момента, как вы меня нашли, и заканчивая тем, как вылечили мое... *это* брненное тело от ран, чтобы я... смог в него вселиться?

Соответствовать глупейшей легенде о втором пришествии Механика на брнную землю было непросто, но и совсем отмахиваться от канонов Громобой не мог. Пусть он божество, и истина – это слово его, а что с его словом не совпадает, то выдумка, в которую истину обрядили безымянные сказители, но нельзя ведь с ходу выбивать почву из-под ног Детей Механизмов? Решат еще, что он водит их за нос, и, допустим, сожрут... ну, или просто прихлопнут. Как бы то ни было, в своем нынешнем состоянии Громобой меньше всего хотел заводить новых врагов. Да, у него есть Щелкун, но сколько времени понадобится стальному ящеру, чтобы пробиться к хозяину? Вряд ли меньше, чем Рупору, чтобы вонзить нож в незащищенную грудь хвораго нейроманта.

– Слушай же, о Великий...

– Просто рассказывай. Не надо всех этих «о Великий». Я... не тщеславен.

Рупор удивленно захлопал глазами, а потом, откашлявшись, сказал:

– Как вам будет угодно, о...

– Я же сказал! – гневно нахмурился Громобой.

– Прости. Так вот, началось все как? Мы увидели, как твой аватар несет тебя в зубах. Потом он тебя положил, и мы решили, что сейчас он съест тебя – мы ведь не знали сначала, что это в зубах – ты... А потом мы увидели, что ты живой, и удивились. А потом ты стал... гладить его рукой и что-то приговаривать, и мы начали все понимать. А потом ты стал терять сознание, и мы решили, что надо тебя спасти...

– И не испугались «Рекса»? – недоверчиво спросил Громобой.

– Проверяешь нас? – усмехнулся Рупор. – Мы знаем, что био – это тоже Дети Механизмов, только старшие. И мы с радостью готовы стать пищей для того, чтобы твои старшие Дети жили.

«Что и требовалось доказать. Готовы расстаться с жизнью ради своего божества. Глупые фанатики...»

Громобой смерил Рупора раздраженным взглядом.

«А вот скажи такому, что его вера гроша ломаного не стоит, что все это выдумка – и насчет Великого Механика, и насчет Упорядоченного... И как он отреагирует? Ринется на меня, чтобы задушить, пока лежу, немощный? Или же поверит? А, может, у него голова лопнет, когда он попытается осмыслить случившееся – оживший бог, утверждающий, что его не существует...»

– Ну а потом что было?

– Потом, пока мы тебя несли, твой аватар съел двоих наших, – будничным тоном сообщил Рупор.

Громобой выпучил глаза.

– Ты сейчас серьезно? – на всякий случай уточнил он.

– Прости, о Великий, – виновато потупился Рупор. – Но твой аватар сам не захотел есть больше!

Нейромат открыл рот... и закрыл. Ну какой смысл пытаться переубедить фанатика, если для него вера – смысл жизни? Никто ведь не заманивал их в пасть ящера обманом? Сами пошли, добровольно. И в таком случае даже странно, что «Рекс» не съел их всех.

«Неужели это мое сознание включилось и остановило био? Но я ничего не помню...»

– Что было потом, рассказывай? – потребовал Громобой.

– Остальных аватар твой не тронул, пошел впереди, охранял нас от других опасностей...

«Точно сознание включилось. Но, видимо, лишь частично...»

– Я с вами разговаривал?

– Ты повторял, как заведенный: «Бог, Бог, Бог...» Потом затихал на время, потом опять повторял. Бог, Бог, Бог...

– Может, не Бог, а Бо? – нахмурившись, уточнил Громобой.

Рупор задумался ненадолго, а потом неуверенно произнес:

– Может, и Бо... но что есть Бо, о Великий?

– Ничего. Продолжай, – решив не вдаваться в подробности, велел нейромант.

– Две недели мы пытались сохранить выбранную тобой оболочку, давали ей пищу, переодевали и мыли тебя...

Громобой невольно поежился, представив, как Дети Механизмов возятся с ним, нагим. Умом он, конечно же, понимал, что фанатики все сделали правильно, но ему все равно было противно об этом думать.

– Ближе к делу.

– И вот на пятнадцатый день это жалкое брренное тело приняло твой неукротимый дух. По крайней мере, ты говоришь со мной, о Великий Механик! А скоро ты совершишь свои первые шаги по нашей проклятой земле... а потом начнешь все упорядочивать!..

– Не опережай события, Рупор, – хмуро осадил разошедшегося дикаря нейромант. – Я только пришел в себя, а ты уже строишь планы по изменению мира...

– Простите, о Великий Ме...

– Давай, если уж не можешь совсем без этих высокопарных обращений, хотя бы ограничимся простым «о Великий»?

– Как скажешь, о Великий.

– Так-то лучше. Что ж, со мной более-менее понятно. А что с вашим племенем?

– А ты разве не знаешь о нас? – изумился Рупор.

– Не забывай, что я две недели провел в беспамятстве. Ну и до этого я не мог уследить... за всем. Так что давай, рассказывай по порядку. Где мы сейчас находимся, например?

– Этот район с давних времен зовут Тушино, о Великий.

– Здесь все племя?

– Да, Великий. Нас осталось не так много, как раньше. Дюжина женщин, две дюжины мужчин и я, голос моего племени. Но мы с радостью накормим твой аватар, о Великий, и любой из нас охотно станет твоим новым сосудом, если старый тебе не подойдет...

– То есть если я умру? – хмыкнул нейромант.

– Не только. В преданиях сказано, что человеческая оболочка может не позволить тебе упорядочить наш проклятый мир. Но ты не переживай, о Великий. Мы, Дети Механизмов, в таком случае непременно освободим твой дух, чтобы он смог подобрать себе более подходящее вместилище...

– Погоди-ка, – нахмурившись, остановил его Громобой. – То есть, ты хочешь сказать, если с упорядочением мира не задастся, вы меня... убьете?

– О, нет! – хохотнул Рупор. – Как можно убить божество?

У бородача отлегло от сердца.

– Мы избавимся лишь от твоей нынешней телесной оболочки и дадим тебе новую, какую захочешь!

Нейромант так и замер.

– Но кто знает, сколько потребует процесс подготовки к упорядочению? – осторожно уточнил он.

– Ты, о Великий, – искренне улыбнулся Рупор. – В твоих преданиях сказано, что через тридцать дней после твоего пришествия мир будет упорядочен. Сегодня пятнадцатый день. Половина срока пройдена. Если через две недели ты не упорядочишь мир, мы дадим тебе новое тело. И – да, ты упоминал, что твой нынешний сосуд может противиться смерти, так что не переживай, о Великий, протесты оболочки нас не остановят...

Рупор говорил и говорил, а Громобой рассеянно смотрел в стену перед собой, пытаясь понять, есть ли повод для беспокойства.

У него был «Рекс», готовый рвать и метать, но мог ли он спасти хозяина от своры фанатиков? Они готовы сами идти к Щелкуну, сами нырять ему в пасть, а он пока слишком немоощен, чтобы избежать обычного ножа.

«Но у меня, по крайней мере, есть еще пятнадцать дней на то, чтобы восстановить силы и покинуть лагерь этих сумасбродов...»

Взгляд нейроманта скользнул к поясу штанов.

Вот только перед тем, как сбежать, надо будет всенепременно отыскать его верные огнестрелы.

Без них реинкарнация Великого Механика чувствовала себя уж больно неудобно.

* * *

Плохо попасть под дождь, когда ты в пути. Однако куда хуже под дождем сражаться. Мало, что видимость ухудшается, так еще и удары теряют былую хлесткость – ведь клинку приходится прорубаться не только через воздух, но и через стену воды, а это уже ощутимые потери в скорости.

Однако еще опасней был туман, который обыкновенно случался после проливного дождя. Смотришь и гадаешь, что перед тобой – природное явление или хитрая ловушка кровожадных шамов? И как правильно вести себя в непроницаемой дымке? Соратников ты не видишь, приходится окликать друг друга, чтобы не потеряться. А у шамов, как говорят, настолько острый слух, что они прекрасно слышат человеческую речь даже с расстояния в несколько километров. Да и в тумане, надо думать, видят эти кровопийцы прекрасно, иначе какой им смысл добровольно лишаться возможности рассмотреть противника в деталях?

И вот теперь дружинники во главе с Захаром, мокрые до нитки, стояли у границы подобной дымки. Каждый из них прекрасно понимал, кто может таиться в этой практически не проницаемой пелене, и оттого не особенно хотел идти вперед.

– Ну и что это, если не свинство? – осведомился десятник, вопросительно посмотрев на побратима, чей фенакодус нетерпеливо выплясывал под наездником.

Ехать решили буквально на следующий день после возвращения, поэтому Игорь успел только выбрать, но не объездить ретивого скакуна. Пока обходилось без происшествий, но дружинник уже понял, что фенакодус ему достался с характером, поэтому держал ухо востро. Главное, чтобы строптивость его нового скакуна не сказалась в ближайшем бою, иначе это может сыграть с Игорем злую шутку. Побегут на них те же нео, размахивая дубинами и мечами, а фенакодус возьмет и сбросит наездника, поднесет его врагу, так сказать, на блюдечке с голубой каемочкой. Впрочем, идти пешком или же делить скакуна с другим разведчиком Игорь, конечно же, не собирался: мало, что глупо, так еще и неудобно.

«Нет уж, Буран, терпи, – подумал дружинник, сжимая бока не в меру ретивого фенакодуса. – Я хочу обратно в Кремль вернуться, ты тоже хочешь, так давай помогать друг другу, а не мешать».

– Игорец, ты оглох? – довольно грубо осведомился Захар.

Погруженный в мысли светловолосый разведчик при упоминании своего имени встрепенулся и удивленно посмотрел на десятника.

– Что? А. Ну тебе-то видней, свинство это или обыденность.

– Ловушек в Зоне хватает, – сказал десятник. – Но туман – одна из самых коварных. Там столько всего может прятаться... Ты ж, получается, и не сталкивался с ним никогда?

– А когда б мне сталкиваться? – фыркнул Игорь. – Это ж мой третий рейд.

– А ты что думаешь, Мих? – оглянулся на дружинника Захар.

– Думаю, обходя, мы рискуем еще на что-нибудь нарваться, – заметил опытный разведчик. – Хоть и в туман соваться – приятного мало, но есть напасти и похуже.

Десятник оглянулся через плечо на их провожатого, Третьяка, который ехал в самом сердце их отряда. Под взглядом предводителя опальный наемник невольно съежился и потупил взгляд, хотя, разумеется, в том, что на пути у дружинников возник туман, мерзавец повинен не был.

– Боюсь, как бы мразь эта не сбежала, – тихо, так, чтобы расслышал только Игорь, сказал Захар.

– Не сбежит, – окинув пленника оценивающим взглядом, произнес разведчик. – Ему сейчас с нами всяко безопасней, чем одному.

– Так-то оно в целом так. Но ежели шамы или другая сволочь на нас кинется, он же первый от нее и побежит.

– А тут ты ничего не поделаешь, брат. Не привязывать же его к кому-то из нас веревками.

Захар угрюмо кивнул, соглашаясь с побратимом, хотя по взгляду его было понятно: он-то как раз не прочь мерзавца спеленать по рукам и ногам. Да вот только подобная предосторожность может выйти разведчикам боком: оба, и надзиратель, и его «обуза», вместе станут куда более простой мишенью, чем были по отдельности. Опытный десятник обрекать на такую муку никого из своих не решится, если только добровольно вызовутся, но среди дружинников самоубийц немного; все, как правило, хотят живыми домой вернуться.

– Так как поступим? – спросил Игорь, глядя на нервно жующего губу Захара.

Когда младший впервые отправился с десятником в рейд, он с удивлением обнаружил, что тот нередко подолгу раздумывает над каждым шагом, взвешивает все за и против, хотя в стенах крепости принимал решения молниеносно. Однако Игорь быстро понял, чем обусловлена такая неспешность: цена ошибки в условиях московской Зоны возрастала стократ, ведь один-единственный просчет командира мог привести к гибели всего отряда. А Захар меньше всего на свете хотел, чтобы кто-то погибал по его вине. Тем более сейчас, когда уже произошла роковая бойня в Строгино, унесшая жизни десятка замечательных дружинников. Никто не мог знать, что Вадим предаст Кремль, но Захар все равно винил в случившемся только себя. Они с Игорем не говорили об этом напрямую, но при любом упоминании тех событий десятник тут же прятал взгляд в пол и начинал бурчать себе под нос, хотя обыкновенно говорил четко и ясно.

И вот сейчас Захару снова предстояло сделать судьбоносный выбор – пройти через стену зловещего тумана или же пуститься в обход? Казалось бы, задачка простецкая, и любой предпочел бы сделать петлю скитанию в дымовой завесе. Но на деле не все было так очевидно. Опытный разведчик знал, что за углом вполне может поджидать племя нео, остановившееся на привал, или, того хуже, оголодавшие био, с которыми договориться смог бы разве что нейромант Громобой, который, увы, канул.

Впрочем, перебирать возможности в голове можно хоть до скончания времен, а цель от этого ближе не станет. И Захар это прекрасно понимал.

– Игорь, Миха, – позвал десятник.

Разведчики вопросительно уставились на командира.

– Надо проверить ближайшие здания. Напрямик лезть – слишком опасно, так что если есть возможность обойти, я должен о ней знать. Все ясно?

– Да, – ответили дружинники почти синхронно.

– Тогда, Игорь, давай налево, а ты, Миха, вправо иди. Мы же тут подождем. Слово пусть будет... – Он задумался на секунду. – «Туман». Ежели его услышим, тут же бросаемся на выручку. С этим тоже понятно?

– Угу.

– Тогда удачи.

Игорь спешил и наспех размялся. Миха последовал его примеру, а потом они пошли в разные стороны, оставляя за спинами отряд. Захар провожал побратима хмурым взглядом: он явно не слишком хотел отправлять друга на передовую, но не отправить значило проявить недоверие, а этого десятник желал еще меньше.

Лоб Игоря покрывала испарина.

«Душно-то как, после этого проклятого дождя...»

Он ступал осторожно, боясь, что шум шагов привлечет внимание мутантов, коль таковые действительно сидят в заброшенном доме слева от затуманенной дороги. Подумав, разведчик вытащил из-за пояса пистолет и теперь сжимал его в правой руке, готовый напичкать свинцом любого, кто осмелится выйти к нему навстречу. Запястье до сих пор полностью не оправилось после встречи с армированной дубиной. Как ни лечил его Игорь с помощью покой-травы и чудодейственного пластыря, слушалась кисть плохо и постоянно ныла. Но стрелять с левой руки лучше было и не пробовать, уж больно плачевный мог выйти результат, что-то вроде «пять раз выстрелил – попал лишь раз». Вот и приходилось мириться с болью – для собственной безопасности и экономии боеприпасов.

Достигнув ближайшего угла, выложенного из рыжего кирпича, ныне поблекшего, Игорь вжался в стену спиной и невольно поморщился, когда зашуршала звеньями кольчуга.

«Она-то меня и выдаст с головой!» – подумал он про себя.

Впрочем, разгуливать по московской Зоне в одной рубашке не осмелился бы даже самый бесшабашный дружинник – конечно, от прямого попадания из арбалета она не спасет, но от скользящих ударов меча – вполне. Двигаясь вдоль стеночки, Игорь беспрепятственно достиг окна и замер, чтобы перевести дыхание. Он не был напуган – скорей, просто взволнован, как, впрочем, и всегда во время рейда. Стоило Игорю выйти за пределы кремлевских стен и оказаться в Зоне, и пульс его учащался, а в голову начинали лезть самые разные мысли – в основном, конечно же, дурные. Тревога покидала дружинника только по возвращении домой, когда за спиной закрывались городские ворота, и все напасти оставались за ними, снаружи.

Отец говорил, что это нормально, что все боятся, а лучшие – так больше прочих, просто не показывают своего волнения окружающим, дабы не сеять панику. А поскольку родитель славился, как весьма дельный разведчик, Игорь старался вести себя так же: хладнокровный снаружи, но вечно сомневающийся внутри.

Ему почудилось, или внутри действительно послышался какой-то шорох. Дружинник замер и наострил уши, но ничего не услышал. Он уже хотел выйти из-за стены и, перемахнув через подоконник, забраться внутрь, когда шорох повторился. Игорь снова превратился в статую, но теперь он не спешил. И, в итоге, оказался вознагражден: вслед за шорохом он услышал и звук шагов – робких и тихих, будто ребенок, только-только научившийся ходить, шагал по палубе раскачиваемой волнами лодки.

«Значит, там действительно кто-то есть?» – понял разведчик.

Он повернул голову и с тоской уставился туда, где за пеленой тумана должен был скрываться отряд. Дать сигнал? А не слишком ли рано? Может, там лысый еж бродит, прокорм добывает, а Игорь тут панику поднимать собрался... Не лучше ли сначала убедиться, что внутри действительно сидит какой-нибудь оголодавший мутант, и только потом звать подмогу?

Впрочем, забираться в здание прямо сейчас Игорю тоже хотелось едва ли. Для начала он решил хотя бы осторожно заглянуть в окно, чтобы оценить, насколько велика опасность.

Медленно, стараясь не звенеть кольчугой, Игорь повернулся к дому лицом и, столь же неспешно, выглянул из-за стены. В комнате, находящейся прямо за окном, кажется, никого не было. Осмелев, дружинник шагнул влево и окинул помещение зорким взглядом. На полу были гнилые сломанные доски, иной строительный мусор и овальное черное пятно, оставшееся, видимо, от некогда истлевшего костра. Пепел, которым стали поленья, давно разметал по

дому неугомонный ветер, так что оставалось только догадываться, когда и кто устраивал тут привал. Главное, что устраивали не сегодня, а, значит, скорей всего, уже давно ушли.

Вдруг он услышал звук шаркающих шагов. Игорь напрягся. Звук доносился будто бы из коридора, и разведчик завороченно уставился на дверной проем, ожидая, что в него с минуты на минуту влетит какая-нибудь одичавшая зверюга, вроде прожженной в Красном поле крысособаки. Двух подобных псин Игорь уже встречал прежде, в Строгино, и вполне допускал, что такие же могут слоняться и по соседствующему с тем районом Тушино.

Но источник шума не спешил показываться на глаза. Закусив нижнюю губу, Игорь еще раз оглянулся через плечо, на завесу тумана, которая не давала рассмотреть оставленный позади отряд. Может, вернуться за подмогой? Да нет, ну там вряд ли что-то опасное, небось, какая-нибудь мелочь, вроде того же ежа. Надо самому слезать да посмотреть, прежде чем поднимать тревогу.

Решившись, дружинник ухватился руками за подоконник и, оттолкнувшись ногами, втащил себя внутрь. Кольчуга предательски зазвенела, и Игорь, приземлившись, на некоторое время замер: ему не свезло наступить на осколок стекла, который лопнул под подошвой с досадным хрустом. Чертыхнувшись, дружинник наставил пистолет на дверной проем, дабы странной шуршащей напасти не удалось застать его врасплох, но шагающее *нечто* так и не показалось.

«Будто в прятки со мной играет!» – подумал дружинник, всматриваясь в царящий за пределами комнаты полумрак.

Ступать приходилось осторожно, ведь хлама на полу хватало, и всякий норовил громко треснуть или зашуршать. Ну и выход из комнаты, разумеется, нельзя было оставлять без внимания. Так и шел он, мотыляя головой вверх-вниз, будто делал зарядку.

Без приключений добравшись до дверного проема, он снова остановился и прислушался. Источник шороха, судя по всему, находился прямо за стеной. Осторожно, держа указательный палец на спусковом крючке, Игорь высунул голову в коридор...

...и увидел двух шамов, стоящих напротив и хмуро глядящих друг на друга.

Резко, как только мог, он снова скрылся в комнате, дабы случайно не привлечь их внимание. Судя по тому, что тело разведчика все еще ему подчинялось, его действительно не заметили, но он определенно был на волоске. Хуже нет беды, чем столкнуться с шамами. Будут голодные – высосут всю кровь сразу. Будут сытые – сначала поиграют тобой, точно куклой, а потом все равно выпьют до последней капли, когда нагуляют аппетит.

«Странно, что они мысли мои не прочитали и не подстерegli, – подивился Игорь про себя. – По идее, шамы б меня еще на подходе учуяли и разумом завладели...»

Впрочем, об этом стоило подумать уже снаружи, когда он окажется на безопасном расстоянии от этого заброшенного дома и двух шамов, обитающих в нем.

Вдруг в стену, за которой находились кровососы, что-то ударило, да так, что рыжая кирпичная крошка во все стороны полетела. Игорь невольно втянул голову в плечи и устремился к окну. Вот и подоконник, в полуметре. Еще шажок...

Левая рука, которой Игорь потянулся к подоконнику, остановилась в нескольких сантиметрах от кирпичной кладки. Дружинник нахмурился и напрягся, но рука не сдвинулась с места.

«Началось!» – понял Игорь и оглянулся через плечо.

Один из шамов стоял в дверном проеме и смотрел на разведчика единственным глазом, слегка его прищулив. Второго шама видно не было – наверное, караулил за спиной. Понимая, что шансов на спасение крайне мало, Игорь попытался поднять правую руку... и у него получилось. Дуло пистоля уставилось на шама, но указательный палец замер в миллиметре от крючка, и дружинник никак не мог спустить курок. По лбам человека и шама градом бежал пот. Никто не мог победить в этой странной войне за тело разведчика.

«Похоже, этот шам еще совсем юный, – подумал Игорь мимоходом, – поэтому и глаз у него всего один...»

Шам, прочтя мысли дружинника, мигом поменялся в лице и надел на человека с удвоенной энергией – явно обиделся. Пистолет стал медленно, но верно опускаться. Игорь понял, что проигрывает, и, открыв рот, заорал в окно:

– Туман!

Удивительно, что шам не остановил его от этого крика, но, видимо, он действительно был очень слаб и не мог полностью сломить волю дружинника. Впрочем, даже крик не гарантировал Игорю спасение: вполне возможно, из-за тумана другие разведчики его даже и не услышат.

Бороться с шамом становилось все трудней и трудней. Миг, другой, третий – и вот рука с пистолетом уже медленно поворачивает оружие дулом к Игорю. Разведчик понял, что задумал кровопийца, и напрягся еще сильнее, но все было тщетно. Вот ствол огнестрела устоялся на хозяина единственным глазом, а указательный палец против воли потянулся к спусковому крючку...

Выстрел!

Игорь недоуменно захлопал глазами, рассматривая пистоль в своей руке так, будто впервые его видел. Затем он поднял голову и увидел, что шам лежит на спине, то и дело содрогаясь всем телом.

«Что произошло? – мелькнуло в голове дружинника. – Это явно не мой пистоль стрелял...»

Вместо ответа из-за спины послышался до боли знакомый голос:

– Ты как там, цел?

Это был Дмитрий, молодой, чуть старше самого Игоря, разведчик.

– Да вроде, – выдавил светловолосый дружинник.

Он немного лукавил: после вмешательства в разум подобных тварей человек какое-то время вел себя, будто пьяный – ноги и руки плохо слушались, взгляд был затуманен, а в висках пульсировала только одна мысль: «Как бы эта сволочь опять мной не завладела!».

Дмитрий перемахнул через подоконник и, держа пистоль обеими руками, устремился к лежащему на полу мутанту. Подойдя, он смерил его презрительным взглядом и сказал:

– Повезло, да? Всего один глаз, зеленый совсем...

– Ну да, взрослый б меня давно выпил и выкинул за ненадобностью, – пробормотал Игорь.

Дмитрий заглянул за стену и тихо присвистнул.

– А тут еще один, ты его видел? – спросил он, оглянувшись на спасенного им разведчика. Игорь удивленно нахмурился.

«Ну да, точно! Был же еще и второй!»

– Что он там делает? – спросил Игорь, бросившись к товарищу со всех ног.

– Лежит. Похоже,дохлый, – отозвался Дмитрий.

Второй кровопийца валялся на полу, раскинув руки. Он определенно был мертв: по крайней мере, дружиннику прежде не доводилось видеть, чтобы кто-то выживал после того, как ему разmozжили голову.

– Так ты его не видел? – поинтересовался Дмитрий.

– Я их двоих увидел и назад попятился, потом что-то в стену врезалось, я так и не понял, что, – пояснил Игорь. – Ну и я к окну пошел поскорей, надеялся, что они до меня не доберутся... а оно вон как вышло!

– Так а что же с этим случилось, со вторым? – рассматривая мертвеца, задумчиво пробормотал Дмитрий.

Игорь скользнул взглядом по стене, удар в которую и побудил его к бегству, и с удивлением обнаружил на ней огромную кровавую кляксу.

– Слушай, а не могли двое шамов задраться из-за чего-то? – хмурясь, спросил светловолосый дружинник.

Дмитрий проследил его взгляд и неопределенно пожал плечами:

– Да черт его знает... Может, и могли. Но как он его в стену так? У него ж тельце видел, какое? Ветром сдувать должно...

– Так, может, он его это... ментально. Силой мысли, то есть, швырнул в стену и – насмерть...

– Да как-то это... сомнительно, – признался Дмитрий. – Против тебя сил у него не хватило, а против собрата – хватило?

– У тебя есть объяснение получше?

Вместо ответа Дмитрий вдруг подлетел над полом на полметра и со всего размаху врезался в стену головой.

– Агрх! – рявкнул дружинник.

– Дима! – воскликнул Игорь, не понимая, что происходит.

Вдруг он увидел, что в конце коридора стоит крохотная фигурка – похоже, это был еще один шам. Дмитрий отлетел в сторону и снова устремился к стене. Удар вышел такой силы, что бедняга-разведчик тут же потерял сознание: перепачканная кровью голова упала на грудь, веки к этому моменту уже были опущены. Однако шам не собирался останавливаться на достигнутом и снова швырнул разведчика в стену, будто тряпичную куклу. На размышления времени не оставалось, требовалось действовать быстро, пока проклятая тварь окончательно не размозжила дружиннику череп. Игорь вскинул руку с пистолетом и принялся жать на гашетку. Он стрелял до тех пор, пока в обойме не закончились патроны, и даже потом еще рефлекторно несколько раз спустил курок. Потом рука с пистолетом бессильно упала, и Игорь бросился к раненому товарищу, упал на колени рядом с ним и принялся хлопать по щекам. Дмитрий не подавал признаков жизни. Облизав пересохшие губы, разведчик проверил пульс, затем наклонился к самому рту товарища, надеясь почувствовать слабое дыхание.

Ничего.

«Мертв».

Он медленно отпустил голову Дмитрия, и она запрокинулась назад, ударившись затылком об пол. Но дружиннику уже было все равно. Игорь с трудом поднялся и, слегка повиливая, устремился к телу убитого мутанта.

Третий кровопийца тоже был из «недоразвитых», с одним-единственным третьим глазом, но, судя по всему, куда сильнее сородичей, которые погибли первыми. Судя по трупам шама, все пули дружинника нашли цель, но разве это могло примирить разведчика с тем фактом, что Дмитрий погиб?

– Игорь! Дмитрий! Вы где? – услышал дружинник голос Захара.

– Тут мы! – отозвался светловолосый разведчик.

Секунду спустя из комнаты показался десятник, а следом за ним – еще двое дружинников, Богдан и Мрак. Все трое остановились у тела обезглавленного шама, потом Захар повернул голову и увидел труп Дмитрия. Брови его взлетели на лоб. Он поднял взгляд на побратима:

– Неужто...

– Да, – угрюмо ответил Игорь. – Добрался до него, шам проклятый...

Захар, рассматривая покойного собрата, шумно выдохнул:

– Надо ж... Первая серьезная преграда, и тут же мы одного теряем...

– Себя-то не кори, – подойдя к мертвецу, посоветовал черноволосый Мрак. Он был до того смуглый, что редкие седые пряди воспринимались как нечто чужеродное, постороннее, будто тополиный пух, неожиданно-негаданно свалившийся ему на голову. – Свезло нам, что шамы зеленые были совсем и, похоже, не слишком умелые, а то бы они и Игоря расплющили, и Дмитрия, и до нас бы потом добрались.

– Твоя правда, – нехотя согласился Захар. – Да только от нее не легче.

– Туман расступается, – сказал Богдан, дружинник с роскошными пшеничными усами. Остальные трое воздели очи на собрата. Разведчик стоял у окна и смотрел наружу.

– Похоже, прав ты был, Захар – они его, сволочи богомерзкие, и нагнали, – произнес он, не поворачивая головы.

Десятник с дружинниками подступили к товарищу и уставились на дымку, которая прямо на глазах растворялась в воздухе, постепенно открывая взорам разведчиков обшарпанную улицу и стоящий напротив дом. Из его окна, как стало видно буквально полминуты спустя, замороженно наблюдали за исчезновением тумана Миха и еще несколько кремлевских бойцов.

– Надо похоронить по-божески и двигать дальше, – сказал Захар и, повернувшись, пошел обратно к трупу.

Игорь встретился взглядом с Михой, и тот кивнул юному дружиннику. Разведчик кивнул в ответ и пошел к десятнику. На душе было погано.

«А ведь если бы я не позвал его сюда, шам бы до него не добрался... – подумал Игорь, с тоской глядя на мертвого разведчика, над которым склонился Захар. – Расправился бы со мной да и успокоился... Хотя...»

Он посмотрел на пистолет в своей правой ладони. Несмотря на то, что патроны давно закончились и огнестрел стал, по сути, бесполезен, пальцы разведчика до сих пор судорожно сжимали его рукоять.

«Дружинники все равно сбежали бы на звук выстрела, а тут бы их уже ждали два разозленных шама... Кто знает, сколько в таком случае было бы жертв? Я точно был бы мертв. Но то я. А когда другой умирает за тебя...»

Внезапно ему на плечо легла чья-то рука. Игорь вздрогнул от неожиданности и оглянулся: это был Мрак.

– Не кручинься, – сказал черноволосый дружинник. – И себя не кори. Что у вас с побратимом за привычка такая – что бы ни случилось, себя во всем винить?

– С детства так пошло, – грустно улыбнулся Игорь.

– Мы все знаем, на что идем, – серьезно произнес Мрак. – Смерть рядом ходит, нет-нет да и заберет кого-то.

– Казалось, что сейчас – меня.

– А, видишь, как вышло? Значит, везучий ты, в рубашке рожденный, как говорят. А Дмитрий не просто так погиб – он нам дорогу расчистил, свободен теперь путь. Верно я говорю, Богдан?

– Верно-то верно, – подтвердил усач. – Да вот только Димке-то от твоих слов не легче. Царствия небесного ему.

– Светлая память... – зажмурившись, пробормотал Мрак.

– Давай прежде его тело камнями обложим, чтобы твари всякие кости не обглодали, – угрюмо сказал Захар. – А уже после попрощаемся.

Все согласились.

– Эй, что вы там встали? – донеслось снаружи. – Путь свободен, можем ехать...

– Димку шам прикончил, – отозвался Мрак, повернувшись лицом к окну.

Говоривший заохал:

– Надо б похоронить как-то...

– Уже и возимся! Давайте тоже помогайте, Захар говорит, надо камнями обложить, чтоб муты тело не трепали...

– Верно говорит...

Большим числом управились быстро. Смахнув со лба пот, Игорь уставился на груды кирпичей, под которой теперь лежал труп убитого дружинника. Далеко не всегда нынешняя Москва предоставляла возможность достойно попрощаться с погибшим собратом. Куда чаще

приходилось наблюдать, как очередное порождение Зоны проглатывает твоего товарища, того, с которым ты еще полчаса назад делил хлебную корку или девок обсуждал. После боя ты пытался вспомнить, как это случилось, и не мог – ведь не успели челюсти той прожорливой твари сомкнуться, как на тебя уже нападала другая, все еще голодная и оттого злая, как черт.

Сейчас же все было по-другому. Не было полчищ мутантов, которые перли из всех щелей, сливаясь в единое серо-черное море. Был один-единственный дружинник, которому Игорь уже никогда не сможет вернуть Долг Жизни.

И было самое настоящее прощание – без спешки, сердечное, искреннее и неторопливое. Игорь подошел к груде камней последним. Зажмурился ненадолго, пожелал земли пухом и, шмыгнув носом, побрел за товарищами.

В мозгу его пульсировала одна-единственная мысль:

«Под теми камнями должен лежать я, а не он».

Казалось бы, злключения первого игоревского рейда должны были закалить юного дружинника, но он по-прежнему не мог привыкнуть к смертям товарищей. Наверное, потому, что, несмотря на печальный опыт, ему по-прежнему было всего девятнадцать. Москва 2222 вынуждала взрослеть быстро, но не все могли легко привыкнуть к ее беспощадному ритму.

Захар вот, например, до сих пор не смог.

Иначе как объяснить, что у их десятника тоже предательски блестят глаза?

Глава 2. Старые раны

– Ну же, о Великий! У тебя обязательно все получится! – подбадривал Рупор.

Громобой одарил его красноречивым взглядом, но ничего не сказал. Возможно, потому, что давненько не чувствовал себя настолько беспомощным. Наверное, с самого детства.

Лоб нейроманта блестел от пота, дышал бородач тяжело и часто. Ему следовало решиться, но он до последнего оттягивал роковой момент.

– Ну же! – не утерпев, снова воскликнул Голос Племени.

Громобой шумно выдохнул и оторвал ногу от пола. Вторая тут же начала подкашиваться, и он спешно опустил первую и обеими руками ухватился за свою кровать, дабы не упасть. Сердце его бешено стучало в грудную клетку.

«Всего один маленький шагок, а я уже на грани. Наверное, если дойду до порога, можно будет сразу за ним хоронить...»

– Не кажется ли тебе, что на сегодня достаточно, о Великий? – осторожно поинтересовался Рупор.

– Достаточно чего? Смеха? Я шагу не могу ступить, Рупор. А у меня в запасе всего пятнадцать дней, чтобы упорядочить этот проклятый мир.

– Ты всегда можешь воспользоваться телом любого из нас, – тут же напомнил Голос Племени, – если это придет в негодность.

– Я к этому-то только начал привыкать, а ты мне уже новое предлагаешь! – усмехнулся Громобой. – Нет уж, хватит с меня и нынешних неудобств...

– Могу ли я чем-то помочь тебе, о Великий? – вызвался Рупор. – Может, ты будешь опираться на мою руку?

– Что ж, давай, – смерив дикаря оценивающим взглядом, нехотя согласился нейромант. – По крайней мере, так мы сможем хотя бы отойти от этой треклятой кровати.

Голос Племени шустро подбежал к Громобою и протянул ему руку, и бородач, морщась, за нее ухватился. Однако вторую убирать с кровати нейромант все еще не решался – видимо, боялся, что Рупор его не удержит.

– Все будет в порядке, о Великий, – заверил дикарь. – Я вижу, что вы уже привыкли к этому телу, и потому я буду с ним очень осторожен, клянусь!

– Не надо громких слов, – пробурчал Громобой. – Просто не дай мне упасть.

– Для этого я здесь.

– То есть готов? – на всякий случай уточнил бородач.

– Готов, о Великий.

Нейромант шумно сглотнул и оттолкнувшись от кровати левой рукой, выпрямился. Ноги подрагивали от забытых нагрузок. Громобой не знал, чем обернутся перенесенные раны от пуль, но пока все выглядело не слишком радужно. По крайней мере, первые эксперименты с ходьбой вызвали стойкое желание вернуться в кровать и больше никогда не вставать. Дети Механизмов, безусловно, сотворили настоящее чудо, вернув нейроманта с того света, однако тело его, судя по всему, было не слишком подготовлено к возвращению души. И если верхняя часть туловища еще более-менее функционировала, то с нижней явно хватало проблем.

– Давай, о Великий. Я поддержу тебя.

Громобой закусил нижнюю губу, оторвал левую ногу от пола и спешно ее опустил. Прислушался к себе: вроде бы ноги не скручивает дикая судорога, боль есть, но вполне терпимая.

– Кажется, получилось? – спросил нейромант, с надеждой посмотрев на своего помощника.

– Ну... – протянул Рупор, старательно избегая взгляда бородача. – Наверное, можно и так сказать, о Великий.

– Ты, вроде бы, как-то не слишком уверен, да? – уточнил Громобой, нахмурившись.

– Я... – Рупор замялся. – Позвольте честно, о Великий?

– Ну, валяй, – дозволил нейромант.

– Технически вы просто подняли и опустили ногу, а не сделали шаг.

Возникла неловкая пауза.

– А... что есть шаг, как... не поднятие ноги... с последующим ее... опусканием? – с трудом подбирая слова, поинтересовался Громобой.

– Тем, что, когда человек шагает, его тело перемещается в пространстве. Вы же остались на месте.

Нейромант глупо захлопал глазами. Он чувствовал себя круглым идиотом. По крайней мере, Рупор точно говорил с ним, как с полным кретином.

– Но не переживай, о Великий! – спешно добавило не в меру болтливое Дитя Механизмов. – Люди так и учатся ходить, а ты ведь совсем недавно поселился в этом теле...

«Ах, да. Вот почему он так любезно растолковывает вещи, которые знают все на свете люди: он до сих пор думает, что я – ожившее божество в незнакомом ему теле человека!»

Громобой жутко захотелось рассказать Рупору правду, снять маску Великого Механика, коим он не являлся, но бородач вовремя себя одернул. Пока он не обретет прежние кондиции, сознаваться во всем было, как минимум, опасно: что, если дикари сочтут его обманщиком? С Щелкуном вот так, за ручку, по Москве не походишь. Можно, конечно, разъезжать на его заливке, но это тоже влечет за собой определенные неудобства. Вдруг однажды они наткнутся на более сильного противника, и био погибнет и унесет его, обездвиженного калеку, с собой в могилу? В московской Зоне можно и нужно было полагаться только на себя, и потому Громобой требовалось восстановить атрофировавшиеся мышцы и вернуть себе пистолеты. Иначе он станет легкой добычей даже для стаи крысособак.

«К черту. К черту все эти поблажки самому себе!»

– Великий? – Рупор недоуменно выгнул бровь, когда Громобой вдруг вырвал свою руку из его ладоней.

– Сам, – проворчал нейромант.

– Как скажешь, о Великий. – Голос Племена поднял руки вверх, будто сдающийся в плен, и попятился от бородача, освобождая ему дорогу.

Громобой стиснул зубы, сжал кулаки, шагнул вперед... и упал на пол, больно ударившись правым бедром. Рупор ринулся помогать, но нейромант прорычал:

– Сам!

– Но, Великий...

– Сам! – повысил голос бородач.

Голос Племена сдался и отступил, а Громобой уперся руками в пол и попытался выпрямить их и подняться. Мышцы ныли, на бедре, судя по ощущениям, стремительно надувался синяк, но нейромант терпел.

«Не набив шишек, ходить не научишься», – упрямо напомнил себе бородач.

У него оставалось всего пятнадцать дней, чтобы вернуться к былым кондициям.

И он не собирался тратить время понапрасну.

* * *

– Интересно, что здесь прежде было? – любопытствовал Мрак, вопросительно посмотрев на Захара.

– Видимо, какой-то отстойник для дождевой воды, – подумав, ответил десятник.

Игорь с тоской уставился на грязно-серый бетонный забор, опоясывающий большую, метров тридцать в диаметре, площадку. Прошедший недавно дождь обновил воду в отстой-

нике, и какой там уровень, по щиколотку, по пояс или по шею, дружинник мог только догадываться. Казалось бы – какая тебе разница, сколько там налилось, обойди стороной да и топай дальше. Но московская Зона коварно разместила два Поля Смерти слева и справа от бетонного «колодца» соответственно. И теперь нужно было либо обходить препятствие по другой улице, либо спускаться в отстойник и идти напрямик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.